

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
YEREVAN STATE UNIVERSITY

ԲԱՆԲԵՐ ԵՐԵՎԱՆԻ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ
ՌՈՒՍ ԲԱՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ
ВЕСТНИК ЕРЕВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
BULLETIN OF YEREVAN UNIVERSITY
RUSSIAN PHILOLOGY

№ 1(26)
2025

Журнал «Вестник Ереванского университета. Русская филология» выходит два раза в год. Издается с 2015 года. Правопреемник издававшегося в 1967-2009 гг. журнала "Вестник Ереванского университета". «Բանբեր Երևանի համալսարանի. Ռուս բանասիրություն» հանդեսը լույս է տեսնում տարեկան երկու անգամ: Հրատարակվում է 2015 թվականից: Իրավահաջորդն է 1967-2009 թթ. հրատարակված «Բանբեր Երևանի համալսարանի» հանդեսի:

Three issues of "Bulletin of Yerevan University. Russian Philology" are published twice a year. The journal has been published since 2015. It is the successor of "Journal of Yerevan University" published in 1967-2009.

Редакционная коллегия:
Խմբագրական խորհուրդ.
Editorial Board:

Главный редактор:

Գլխավոր խմբագիր՝

Editor-in-chief:

Акопян Левон (к. фил. н.,
доц., levon.hakobyan@ysu.am)

Հակոբյան Լևոն (բ.գ.թ., դոց.)

Hakobyan Levon (PhD in Philology,
Associate Professor)

Аршакян Эдгар (к. фил. н.,
edgar.arshakyan@ysu.am)

Արշակյան Էդգար (բ.գ.թ.)
Arshakyan Edgar (PhD in Philology)

Балаян Павел (к. пед. н., доц.,
pavel.balayan@ysu.am)

Բալայան Պավել (բ.գ.դ., դոց.)
Balayan Pavel (PhD. in Pedagogy, Associate
Professor)

Газарова Диана (к. фил. н., доц.,
dgazarova@ysu.am)

Գազարովա Դիանա (բ.գ.թ., դոց.)
Gazarova Diana (PhD in Philology,
Associate Professor)

Денисенко Владимир (д. фил. н., проф.,
РФ, denisenko@mail.ru)

Դենիսենկո Վլադիմիր (բ.գ.դ., պրոֆ., ՌԴ)
Denisenko Vladimir (Sc. D. in Philology,
Professor RF)

Дэвидсон Дэн (PhD, проф., США, вице-
президент МАПРЯЛ)

Դեյվիդսոն Դեն (PhD, պրոֆ., ԱՄՆ,
МАПРЯЛ-ի փոխնախագահ)
Davidson Dan (PhD in Philology, Professor,
USA, Vice President of IATRL)

Джанполадян Магдалина (д. фил. н.,
проф., m-poladyan@mail.ru)

Ջանփոլադյան Մաղդալինա (բ.գ.դ., պրոֆ.)

Janpoladyan Magdalina (Sc. D. in Philology,
Professor)

Евдокимова Светлана (PhD, проф., США,
svetlana_evdokimova@brown.edu)

Եվդոկիմովա Սվետլանա (PhD, պրոֆ.,
ԱՄՆ)

Evdokimova Svetlana (PhD in Philology,
Professor, USA)

Лалаян Сусанна (к. фил. н.,
доц., susanna.lalayan@ysu.am)

Լալայան Սուսաննա (բ.գ.թ., դոց.)
Lalayan Susanna (PhD in Philology,
Associate Professor)

Люцканов Йордан (PhD, доц., Болгария,
ylyuckanov@gmail.com)

Լյուցկանով Գորդան (PhD, դոց.,
Բուլղարիա)

Lyutskanov Yordan (PhD in Philology,
Associate Professor, Bulgaria)

Матевосян Лианна (д. фил. н., проф.,
lianna.matevosyan@ysu.am)

Մաթևոսյան Լիաննա (բ.գ.դ., պրոֆ.)
Matevosyan Lianna (Sc. D. in Philology,
Professor)

Мхитарян Карине (к. фил. н., доц.,
karine.mkhitaryan@ysu.am)

Մխիթարյան Կարինե (բ.գ. թ., դոց.)
Mkhitaryan Karine (PhD in Philology,
Associate Professor)

Перотто Моника (PhD, доц., Италия,
monica.perotto@uniibo.it)

Պերոտտո Մոնիկա (PhD, դոց., Իտալիա)
Perotto Monica (PhD in Philology,
Associate Professor, Italy)

Стергеёпулу Элени (PhD, проф.,
Греция, elsterg@slavstud.uoa.gr)

Ստերցյուպուլու Էլենի (PhD, պրոֆ.,
Հունաստան)

Stergiopoulou Eleni (PhD in Philology,
Professor, Greece)

СОДЕРЖАНИЕ * CONTENTS

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ LITERARY CRITICISM

Марианна Мкртчян

Мотив духовного пробуждения и его реализация на уровне
хронотопа в рассказе А.П. Чехова «Студент»4

Marianna Mkrtchyan

The Motif of Spiritual Awakening and its Implementation at the
Chronotope Level in A.P. Chekhov's Short Story "The Student"4

Эдгар Аршакян

Проблемы сопоставительного изучения творчества
Александра Блока и Андрея Белого.....20

Edgar Arshakyan

Problems of the Comparative Study of the Works of
Alexander Blok and Andrei Bely.....20

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

Ануш Акопян

Уровневые единицы негации.....31

Anoush Hakobyan

Leveled Units of Negation.....31

Мариам Аршакян

Зоонимы в русских и армянских комплиментах.....44

Mariam Arshakyan

Zoonyms in Russian and Armenian Compliments44

МОТИВ ДУХОВНОГО ПРОБУЖДЕНИЯ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ НА УРОВНЕ ХРОНОТОПА В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «СТУДЕНТ»

МАРИАННА МКРТЧЯН*

Ереванский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена анализу мотива духовного пробуждения в пасхальном рассказе А.П. Чехова «Студент» (1894) в контексте евангельского события отречения Петра и его интерпретации, выходящей за рамки традиционного значения с точки зрения догматического богословия и совпадающих с ним нравственно-философских истолкований данного евангельского события. В интерпретации произведения мы опираемся на подход к литературному тексту как к открытой структуре, допускающей его прочтение с выходом за рамки авторского замысла, однако тесно с ним сопряженного. Во включении в текст произведения евангельского текста мы видим пересечение различных смысловых кодов, допускающее несходные между собой прочтения. В частности, отречение Петра рассматривается нами не только как временное отступление и проявление человеческой слабости, но как следствие измененного состояния его сознания. В Евангелии оно отражено как сон, которому ученики Христа не могут сопротивляться. Через это углубляется и мотив пробуждения в рассказе. В произведении нами также рассматривается проблема поисков человеческой души, ищущей смысла в жизни и находящей его через переживание евангельских событий. В нашем анализе мы опираемся на особенности пространственно-временной организации текста, в которой нами выявляются несколько уровней функционирования времени (биографический, суточный, календарный, космический), с опорой на которые выстраивается картина перехода линейного (горизонтального) пути героя на уровень духовной вертикали.

Ключевые слова: *А.П. Чехов, пасхальный рассказ, «Студент», Евангелие, отречение Петра, время, пространство, хронотоп.*

* **Марианна Мкртчян** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЕГУ
Մարիաննա Մկրտչյան – փանսաիրական գիտությունների թեկնածու, ԵՊՀ ռուս գրականության ամբիոնի դոցենտ

Marianna Mkrtchyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, YSU Chair of Russian Literature

Эл. почта: marianna.mkrtchyan@ysu.am, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6521-2947>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

© The Author(s) 2025

Введение

Рассказ А.П. Чехова «Студент» относится к жанру календарных, в частности, пасхальных рассказов (действие в нем приурочено к конкретному дню Страстной недели – Страстной пятнице). В русской литературе этот жанр в различных вариациях (святочный, рождественский, пасхальный) имеет свою историю. Она ведется с 20-30-х годов XIX века, жанр претерпевает на своем пути определенные трансформации, пока после революции 1917 года по понятным причинам не уходит со страниц русской литературы, продолжая оставаться лишь в творчестве эмигрантских писателей. Примечательно, что в 70-ые годы XX века А.А. Белкин, отмечая, что «по поводу “Студента” очень мало написано» и что «как-то в круг анализа он не входит у многих», в духе социологического направления объясняет это тем, что «его очень трудно связать с историческими обстоятельствами»: «“Учитель словесности”, пожалуйста – с мещанством в 80-е годы. “Человек в футляре” – с бюрократией и опять же с мещанством. “Мужики” и “В овраге” – с положением крестьянства. А “Студента”? Как-то не с чем и связывать. Вот и обходят» [Белкин, 1973, с.299]. Как видим, духовно-религиозная составляющая рассказа вообще не берется в расчет. К сожалению, советская действительность наградила нас не только однобокой идеологией, наложившей свой отпечаток и на официальное литературоведение, но и ратовала за старательный обход религиозных вопросов, обсуждая их только там, где их невозможно было обойти, при этом – по-своему и значительно редуцируя. Поэтому изучение жанра календарных рассказов на длительный период времени перестало быть актуальным. Ситуация меняется в 90-е годы XX века, что проявляется и в интересе к произведениям, написанным в обозначенном жанре. Переиздаются произведения классиков в этом жанре, к нему вновь обращаются современные писатели. Этот интерес можно увидеть и на примере рассказа Чехова «Студент».

На сегодняшний день в России рассказ входит в школьную программу и в списки для внеклассного чтения. На олимпиадах по литературе по нему включают тестовые вопросы и предлагают темы для сочинений. Его проходят на уроках русского языка с иностранными студентами [Воронина, 2014; Матюшенко, 2010]. Мы не случайно приводим эти факты, так как они свидетельствуют о кардинальной смене вектора в интересе к этому произведению Чехова. В последние три десятилетия к нему обращались многие исследователи, что делает затруднительным дать исчерпывающий обзор этих работ в рамках одной статьи. Частично, с выделением основных взглядов на него, это сделано в статье Н.В. Мокиной, посвященной рассмотрению рассказа Чехова в контексте «дантовского текста» русской литературы. В самой статье анализ базируется на выявлении семантики и функций локусов и опорных мотивов в произведении, соотносимых с первой песней «Ада» «Божественной комедии» Данте [Мокина, 2020].

Интересно отметить, что обращаются к рассказу и зарубежные исследователи. Например, итальянский исследователь Марко Скарпа рассматривает особенности композиции рассказа и специфику «семантических полей» составляющих его частей [Скарпа, 2013]. Американский славист Роберт Джексон осмысляет путь главного героя рассказа в пределах обозначенного им движения «от Страстной Пятницы – дня, в который Христу суждено было испытать чашу страданий до дна,

– до «пира веры» пасхальной утрени» [Джексон, 1991]. Отдельную главу анализу рассказа отводит в своей книге «Проза как поэзия» немецкий славист В. Шмид [Шмид, 1998].

Отметим, что в нашем анализе мы не обращаемся к вопросу о религиозных взглядах Чехова, которые также неоднократно становились предметом обсуждения. В этой связи можно назвать интересную статью А. Чудакова «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле...» [Чудаков, 1996], где Чехов показан как писатель и человек, для которого был важен постоянный непрекращающийся поиск, движение между этими двумя полюсами.

Фокус нашего исследования будет сосредоточен на некоторых особенностях пространственно-временной организации рассказа и на возможном выходе за рамки авторского замысла в пределах читательского восприятия текста с учетом включения в рассказ евангельского события.

Евангельское событие отречения Петра в контексте мотива душевного пробуждения

Праздник Пасхи венчает собой Страстную неделю, главными событиями которой являются распятие и воскресение Христа. Но она насыщена и другими событиями, каждое из которых может быть положено в основу сюжета пасхального рассказа. В рассказе Чехова это поступок Петра, трижды отрекшегося от Христа, который переживается героями произведения с моральной точки зрения. На фоне утверждающейся в рассказе непрерывной связи прошлого с настоящим («*Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого*» [Чехов, 1977, 8, с.309]) возникает важный вопрос: рассматривать ли каждое евангельское событие как некую отдельность, или в контексте единого духовного свершения все они являются звеньями в цепи взаимосвязанных друг с другом происшествий, за каждым из которых стоит главное – крестный путь Христа?

Трудно представить, что в отношении широкой духовной перспективы при восприятии рассказа Чехова читатель ограничится лишь рамками одного, вписанного в него события. Чехов пишет в рассказе:

Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему — к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям [Чехов, 1977, 8, с.309].

Могло ли так глубоко быть воспринято такого рода событие, не будь оно частью истории о Христе, переживаемой во дни Страстной недели? То, «что он только что рассказал», «имеет отношение к настоящему» именно потому, что оно является частью великого события, которое произошло на земле теперь уже – двадцать веков назад. То, что названо в рассказе «настоящим» и «другим концом» («*И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой*» [Чехов, 1977, 8, с.309]), может быть любой точкой в истории человечества, потому что осознание смысла происхо-

дившего тогда не перестанет быть актуальным вне зависимости от того, какой век будет на дворе, и именно потому, что он относится к истории Христа.

Казалось бы, само деяние Христа остается в рассказе за кадром. Как отмечает О. Богданова, «На передний план “пасхального сюжета” выходят не Страсти Христовы, а страсти отступника-ученика. Эпицентр событий смещен» [Богданова, 2019]. Это справедливо, если мы говорим только о сюжете рассказа, но в восприятии его читателем это выглядит несколько иначе. Исследовательница также констатирует: «Образ студента-ученика Ивана Великопольского обретает видимые иронико-негативные коннотации и удостаивается Чеховым не параллели к Христу (хотя подобное сопоставление, основанное на преображении-воскресении героя, было — художественно, но не канонически — допустимо), а к образу ученика-апостола, ученика-отступника». [Богданова, 2019]

Нам дело представляется более сложным. Распятие Христа, хотя не отражено как событие в рассказе, актуализируется тем, что описываемые события, современные и исторические, имеют место именно в Страстную пятницу. Это день, когда Христос был распят, и именно казнь Христа составляет главное содержание евангельских чтений Великих Четверга и Пятницы. Этого достаточно, чтобы данное событие имплицитно входило в рассказ на правах полноценного, хотя сюжетно и остающегося за кадром. Если этого не учитывать, то значение произведения сужается до осознания грехов, лежащих на сердце каждого человека и идущего «от души к душе созвучия нравственной боли за когда-то кем-то совершенное нравственное преступление» [Белкин, 1973, сс.296-297], в то время как оно гораздо шире. Расширение смысла произведения происходит именно за счет того, что в рассказе «драма Пасхи влетает в саму смысловую структуру» [Джексон, 1991]. Смысл дополняется и раздвигается именно в связи с этим. Признавая проблему «отречения, отступничества и отрицания» в качестве самого глубокого пласта рассказа, Р. Джексон справедливо отмечает, что «студент духовной академии» и «сын дьячка» — проходит через страдание, то есть пронзительно переживает не только трагедию русского народа, русской истории и жизни, но и страсти Христовы» [Джексон, 1991]. Исследователь сосредотачивается на мысли о том, что «радость Пасхи постигается вполне лишь через трагедию Страстей Христовых» [Джексон, 1991]. Последнее утверждение неоспоримо, однако, на наш взгляд, рассказ выходит за пределы и этого значения, что видно на разных уровнях его художественного воплощения. Сам образ студента, не лишенный указанных параллелей и особенностей пройденного пути, представляется нам шире — перед нами человек своей эпохи, в душе которого произошло нечто такое, что с необходимостью должно быть пережито человеком во дни Страстной недели, если речь идет о глубоком постижении деяния Христа, переживании всей значимости произошедшего духовного события.

Здесь важно отметить, что отречение Петра не может быть понято исключительно как временное отступничество и проявление человеческой слабости, хотя это и является общепризнанной трактовкой его поступка как среди богословов, так и в светской среде. При этом не учитывается важный факт — у учеников Христа в период совершавшихся событий сознание было понижено, они как бы внутренне находились в состоянии сна. Это известно нам из Евангелия, из моления Христа в Гефсиманском саду, когда Христос трижды находил своих

учеников спящими, хотя просил их бодрствовать. У Чехова отмечено состояние Петра: «...бедный Петр истомился душой, ослабел, веки у него отяжелели, и он никак не мог побороть сна. Спал» [Чехов, 1977, 8, с.307]. О. Богданова отмечает: «Герой-рассказчик Чехова находит для Петра житейски обыкновенные оправдания: не выпался, устал, измучился» [Богданова, 2019]. С этим трудно согласиться, так как в контексте евангельской истории оно далеко не житейское. Или можно сказать иначе, такое понимание этой части текста оправдано лишь в рамках одной системы смыслов, но если рассматривать его в другой системе координат, это место по своему значению оказывается гораздо глубже. Чехов здесь оказался провидцем, не пройдя мимо существенной детали, пусть даже не вполне осознавая ее истинный смысл и не дав ему соответствующего развертывания. В рассказе Петр не только «спал», был «не выспавшийся» до отречения, он как бы «пробуждается» только после троекратного отречения: «Он третий раз отрекся. И после этого раза тотчас же запел петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечери... Вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал» [Чехов, 1977, 8, с.308]. Ключевым словом здесь является «очнулся», только сейчас он словно **пробудился ото сна**.

До Пятидесятницы, момента, когда на учеников Христа сошел Святой Дух, они были самыми обычными людьми. Они долгое время общались с Иисусом и безмерно его любили. О Петре в рассказе говорится: «Он страстно, без памяти любил Иисуса» [Чехов, 1977, 8, с.308]. И когда Петр говорит Иисусу в Евангелии от Луки: «Я готов идти с Тобой и в темницу, и на смерть» (Лк. 22:33) (Чехов почти точно эти слова в рассказе воспроизводит), Петру невозможно не верить. Почему же он поступает иначе?

Человеческая слабость Петра (на таком понимании основан и рассказ самого Чехова) – это только одна сторона поступка, в одной конкретной системе смысловых кодов. Такая его интерпретация представляется нам плодом восприятия этого события материалистическим сознанием, настолько оторвавшимся от духовного, что уже неспособного прозревать истинный смысл происходивших две тысячи лет назад духовных событий. В восприятии рассказа факт оторванности человека от духовного необыкновенно важен, потому что само деяние Христа было совершено ради того, чтобы человек не оторвался от духовного безвозвратно. Истинный смысл отречения Петра, как и любого другого события Страстной недели, может быть постигнут иначе, но через духовное видение, каким, к примеру, обладал основатель духовной науки Рудольф Штайнер, один из уникальнейших людей XX века, значение которого до сегодняшнего дня не в полной мере оценено. Об отречении Петра он говорил следующее:

Он отрекался от Христа, но не по причине морального дефекта, а потому что ходил как бы во сне. В этот момент перед его сознанием не стояла фактическая связь со Христом. Его спросили: принадлежишь ли ты ко Христу Иисусу? — Но в тот момент он не знал этого, ибо его эфирное тело прошло через большие изменения... Он постоянно переживал странствие с Воскресшим. И то, что вызывал в его душе Воскресший, глубоко проникало в нее, но сознательно лишь в Пятидесятницу он впервые смог оглянуться на прошедшее [цит. по: Бондарев, 1999]

Читатель этой статьи может здесь возразить, что Чеховым этот смысл в рассказ вложен не был. По этому поводу будет уместно вспомнить слова Ю. Лотмана о том, что «художественный текст можно рассматривать как текст многократно закодированный. Именно это свойство его имеют в виду, когда говорят о многозначности художественного слова» [Лотман, 1970, с.78]. А «одним из наиболее глубинных свойств художественного текста» исследователь называл «способность элемента текста входить в несколько контекстных структур и получать соответственно различное значение» [Лотман, 1970, с.79].

Здесь мы сталкиваемся с интересным феноменом. Когда писатель заимствует для своего текста другой текст, он невольно включает в него и ту информацию, которую этот заимствованный текст несет. В данном случае это текст Евангелия. Таким образом, код одной системы попадает в код другой системы, и читатель может считать оба кода или делать свой выбор. «Проникновение же в систему противоположных ей структурных элементов заставляет читателя колебаться в выборе того или иного дешифрующего кода» [Лотман, 1970, с.362]. В данном случае первый связан с замыслом автора, а второй может быть связан со смыслами, которые заложены в другом тексте и могут считываться читателем из него. Утверждение Богдановой, что «Герой-рассказчик Чехова находит для Петра житейски обыкновенные оправдания: не выспался, устал, измучился», оказывается результатом прочтения только в пределах одного кода. Язык Чехова – это один язык, а язык Евангелия, как текста духовного и эзотерического – совсем иной. С вхождением Евангелия в текст Чехова оно приносит с собой и свою систему значений, которую читателю невозможно игнорировать. Может возникнуть вопрос, не является ли язык Евангелия общим кодом для всех его знающих? Практика его интерпретаций показывает, что нет, так как он дешифруется по-разному, опять-таки в зависимости от того, кто к нему подходит – неискушенный читатель, догматический богослов или, к примеру, эзотерик-антропософ. Автор может находиться в системе одного кода, а читатель – другого. Как отмечает Лотман, «выбор одного из известных кодов создает дополнительную информацию» [Лотман, 1970, с.35]. В результате текст может нести читателю информацию, передача которой даже не входила в замысел автора.

Для нас дешифрующим это место Евангелия является утверждение Штайнера о том, что происходило в душе Петра в момент отречения, а также указание на то, что высоким сознанием ученики Христа наделяются только в момент Пятидесятницы, когда они оказываются способны прозреть весь глубокий смысл деяния Христа и вписаться в произошедшее как на физическом, так и на духовном уровнях. Пятидесятница есть момент обретения ранее скрытого смысла.

Постижение смысла – один из ключевых моментов и в рассказе Чехова. Именно упоминанием «великого смысла» ознаменован самый конец произведения: «и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» [Чехов, 1977, 8, с.309].

В душе каждого героя рассказа происходит пробуждение как ото сна, ими переживается нечто, что производит в ней внутренний переворот. Именно в этом заключается и основной смысл празднования Пасхи и переживания человеком Страстной недели. Важно не просто вспомнить о деянии Христа, но по возможности пережить душевно его глубокий смысл, а это и означает – пробудиться.

Пробуждение – это всегда некий переворот. В рассказе это переход от слепого следования традициям праздника и догматической веры («по случаю страстной пятницы дома ничего не варили»; «Небось, была на двенадцати евангелиях?») [Чехов, 1977, 8, с.307] к глубинному душевному переживанию. Отношение к следованию религиозным догмам без внутреннего переживания Чехов подробнее описал в рассказе «Мужики»:

Марья и Фекла крестились, говели каждый год, но ничего не понимали. Детей не учили молиться, ничего не говорили им о боге, не внушали никаких правил и только запрещали в пост есть скоромное. В прочих семьях было почти то же: мало кто верил, мало кто понимал. [Чехов, 1977, 9, с.306].

Догма не есть нечто живое в душе человека, она дается ему как нечто внешнее, поэтому легко может быть нарушена. Сначала не только у вдов нет душевной связи с евангельскими событиями, но и у самого Великопольского. Страстная пятница – самый строгий день Великого поста, между тем вдовы, по всей видимости, пост нарушают. Они моют «котел и ложки», из чего повествователь заключает: «Очевидно, только что отужинали». [Чехов, 1977, 8, с.307] Великопольский же, будучи студентом духовной академии, в этот день отправляется на охоту – говорящая сама за себя деталь. Так как он «сын дьячка», можно предположить, что выбор идти по духовной стезе у него мог быть не вполне осознанным, а продиктованным необходимостью продолжения семейной традиции.

Важным указанием на то, что душа Василисы лишена живого религиозного чувства, является то, что встречая студента, она поминает Бога всеу, ставя его имя в соседстве со словом «богатый»: «Не узнала, бог с тобой, — сказала она. — Богатым быть» [Чехов, 1977, 8, с.307]. Интересно, что с другой стороны, это замечание приобретает иной смысл, если перевести материальный план в духовный. Событие у костра действительно обогатило Великопольского, только не в том смысле, в каком имела в виду, согласно примете, Василиса.

Обе женщины – вдовы, то есть обделенные. Это также можно рассматривать в двух планах. На физическом плане – потерявшие мужей, на духовном – связь с Богом. Младшая, Лукерья, имела выражение как у глухонемой. Эта деталь подчеркивает ограниченность в области восприятий (имеются в виду физические восприятия, но они могут пониматься в контексте рассказа и как духовные). И тем сильнее эффект от того, как они прониклись рассказом студента, так как по всему видно, что они не слишком набожны.

Трудно согласиться с Богдановой, считающей, что «Использованные Чеховым выразительные характеристики не оставляют сомнения в примитивности и тупости героинь. Потому последовавшая реакция слушательниц-вдов на рассказ студента о раскаянии апостола Петра выглядит не только странной, но и сознательно оглушенной» [Богданова, 2019]. Спорно высказывание и о том, что «высокий смысл древнего сказания опрощается и превращается в наивный (хотя и живой) пересказ священного текста малообразованным студентом» [Богданова, 2019]. Дело в том, что смысл здесь всеми героями постигается не головой (поэтому для этого не нужно быть умным или образованным), а, как бы это ни

казалось странным, – сердцем. Именно сердце, если можно так выразиться, становится органом восприятия истины. Через него же переживается всеединство людей и ощущение общей причастности к великому событию вне различий по чинам, по умственным или каким-либо другим способностям. Поэтому мы не видим в рассказе ни «легкую авторскую насмешку, спрятанную в подтексте», ни «искусственность финала», как и «авторскую иронию в отношении к глобальным умозаключениям персонажа» [Богданова, 2019]. Момент пробуждения, наступающий как для Петра, так и для героев рассказа, кажется нам главным в произведении без каких-либо дополнительных оговорок.

Некоторыми критиками и исследователями заостряется внимание на проблеме веры в рассказе. Например, после публикации «Студента» в 1894 году в сборнике «Повести и рассказы» С.А. Андреевский в своей рецензии в газете «Новое время» за январь 1895 года отметил, что герой рассказа – «вдохновенный, поэтический образ юноши в толстовском вкусе, с живою и радостною верою в силу евангельской проповеди» [цит. по: Чехов, 1977, 8, сс.504-505]. Отмечается сходная мысль и в современных исследованиях. Например, А. В. Злочевская пишет: «...они вместе пережили в своем сердце события, память о которых запечатлена в Евангелии Словом Божиим, и произошло чудо укрепления веры в сердце молодого человека и преобразования человеческого духа в душе, казалось бы, уже омертвевшей» [Злочевская, 2010]. Или: «Костер “на вдовьих огородах” символизирует ровное и непоколебимое пламя веры в простых женских душах» [Злочевская, 2010]. Нам кажется, что первостепенен не вопрос веры в то или иное, так как вера сама по себе основывается не на познанном, а на вероятном (корень этого слова говорит нам о том же). Герой рассказа нечто в своей душе пережил, и это стало частью его реальности. Ему открылся важный смысл о том, «что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле». [Чехов, 1977, 8, с.309]. Это не вера, это пережитая истина. Его вера могла формироваться в духовной академии как нечто данное извне, истину он познал самостоятельно изнутри. В истину не верят, ее знают. Интересно, что подобное различие между познанием и верой устанавливал и сам Чехов. В его часто цитируемом письме к Дягилеву от 30 декабря 1902 года¹ есть такие строки:

Теперешняя культура — это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, быть может, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего Бога, т. е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре. [Чехов, 1982, 11, с.106].

¹ Письмо часто цитируется в связи с высказыванием Чехова по поводу его отношения к «религиозному движению в России» и его мысли о том, что интеллигенция «пока только играет в религию». Но нам в нем интересно другое.

Студент Великопольский прикоснулся душой к этому познанию. И это событие, разворачивающееся в душевном пространстве героев, центральное в рассказе. Его можно назвать прозрением, или пробуждением от душевного сна.

В этой связи нельзя не упомянуть о полемике вокруг характера прозрения Великопольского. Так, в своей книге «Проза как поэзия» В. Шмид отказывает главному герою рассказа в прозрении, отмечая, что «события здесь не произошло, не говоря уже о событии, соответствующем значению великой пятницы» [Шмид, 1998]. Примечательно название главы, посвященной анализу этого рассказа, говорящее само за себя – «Мнимое прозрение Ивана Великопольского (“Студент”))». Автор пытается разоблачить «ошибку энтузиастов чеховских прозрений» в этом рассказе на основе разделения точек зрения персонажа и автора. В полемику со Шмидом вступает Д.В. Ларкович в статье «“Мнимое” vs “истинное” прозрение Ивана Великопольского: к вопросу о чеховском оптимизме». На основе структурно-семиотического прочтения рассказа автор делает противоположный вывод о «полновесном осуществлении центрального сюжетного события, которое свидетельствует о принципиальной аксиологической динамике главного героя» [Ларкович, 2021]. Мы разделяем позицию сторонников свершившегося в душе героя переворота, или, как мы его обозначили – пробуждения, и покажем ее правомерность, обратившись к формальной стороне произведения, а именно – к пространственно-временной организации текста.

Особенности пространственно-временной организации рассказа в контексте обозначенного мотива

Если говорить о пространственной организации чеховского произведения, то в нем мы прежде всего находим ключевую переключку внутреннего и внешнего пространств. Внутреннее пространство – это переживания всех героев рассказа. Ни один из четырех персонажей не остается вне описания душевных движений. В рассказе трижды упоминается слово «душа». Первый раз в контексте истории Петра (*«а бедный Петр истомился душой»* [Чехов, 1977, 8, с.307]), второй – в сопряженности душевных движений Василисы с переживаниями Петра (*«она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра»* [Чехов, 1977, 8, с.309]) и третий – когда описывается радость в душе студента, осознавшего этот резонанс (*«И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух»* [Чехов, 1977, 8, с.309]). Заметим, что последние два упоминания композиционно идут в тесной связи, при этом одновременно описывается и то, что происходит в душе Василисы.

Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра. И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. [Чехов, 1977, 8, с.309]

Это место можно назвать моментом душевного резонанса всех героев.

Совершенное Христом есть нечто такое, что способно уберечь человека от его собственного эгоизма, от той его плотной оболочки, через которую одна душа

уже не способна почувствовать другую. Сущность духовного переживания заключается в том, что человек может почувствовать не только себя, но и другого как самого себя. Мы видим, что евангельское событие так охватывает разные души людей, что они становятся едины в своем переживании. Души разных людей, переживающие одно и то же, как бы становятся единой душой, что, к слову, на разные лады неоднократно отмечалось в этом произведении исследователями.

Ареной, на которой разыгрываются все внутренние события, является именно душа человека, и в рассказе важны различные ее состояния. Одно из них – на момент поиска, другое – на момент обретения смысла. Пока душа находится в состоянии поиска, какое-то место в ней остается неизменно пустым. Эта пустота, также общая для всех людей, есть пустота отсутствия *«высокого смысла»*, того самого, который герой все-таки переживает в самом конце произведения.

Этому внутреннему пространству мы находим в тексте рассказа соответствие во внешнем пространстве. Это упоминание слов *«пустынно»* (*«Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно»*) [Чехов, 1977, 8, с.306] и *«пустыня»* (*«такая же пустыня кругом, мрак»*) [Чехов, 1977, 8, с.306]). Отметим, что в обоих случаях присутствует слово *«кругом»*, тем самым подчеркнута пространственная всеохватанность этой пустотой, а также мрак, что указывает на всепоглощающую тьму. Таким образом, в этих образах присутствуют три важных значения – бесплодность, широта пространства и отсутствие света. С другой стороны, в рассказе упоминается вспаханная земля: *«Костер горел жарко, с треском, освещая далеко кругом вспаханную землю»* [Чехов, 1977, 8, с.307]. Этот образ создает перспективу потенциального движения от тьмы к свету. Широта пространства остается неизменной (*«далеко кругом»*), но появляются два признака, крайне противоположные указанным выше – это свет (*«Костер горел жарко, <...>, освещая»*) и плодородность (*«вспаханную землю»*). Через заметную соотнесенность внутреннего и внешнего пространства эти образы несут в себе скрытую, но при пристальном взгляде в текст становящуюся очевидной, метафору человеческой души и ее стремления к свету.

В связи с этим можно вспомнить притчу о сеятеле. В сущности, с героями рассказа происходит то, что сказано в ней в последних словах Иисуса Христа: *«Семена же, которые упали на хорошую почву, принесли урожай, одни во сто, другие в шестьдесят, третьи в тридцать раз больше того, что было посеяно. У кого есть уши, пусть слышит!»* (Мф 13:8-9). История одного из эпизодов Евангелия действительно западает в души героев и дает в них свои плоды. Она *«услышана»* ими. *«Хорошей почвой»* оказывается душа, которая открыта для чистого и глубокого переживания евангельских событий, постижения их глубинного смысла.

Двуплановость пространства тесно сопряжена с особенностями функционирования времени в произведении. Если в пространственном отношении ареной событий становится душа человека, то во временном – линия жизни человека и жизнь его души в мире. Душа – обительница двух миров, физического и духовного. С физическим она связана через тело, с духовным – через Дух. Укоренившись в физическом мире, ей бывает непросто вырваться на уровень Духа. И

здесь большое значение имеет то, как ей удастся пережить одно из величайших событий человечества.

Интересно отметить, что незначительный по объему рассказ Чехова дает нам примеры разных уровней художественного времени, охватывая широкий диапазон восприятия этой категории человеком.

Прежде всего это **биографическое время**. Оно актуально в контексте хода человеческой жизни. В рассказе Чехова указания на него есть как прямые («ему было только 22 года»), так и косвенные («Василиса, женщина бывалая, служившая когда-то у господ в мамках, а потом няньках» [Чехов, 1977, 8, с.307]). Последний пример указывает на протяженность времени через ход человеческой жизни. Мамка – это кормилица, нянька состоит уже при более взрослых детях. Примечательно, что студенту 22 года. Интересно, что в разных странах существует разный возраст совершеннолетия, в некоторых из них – это 21. Можно сказать, что среди всех вариантов – это верхний порог совершеннолетия. И если на физическом плане в вопросах разрешений и ограничений, установленных законодательством, наблюдается разнობой, то в плане духовного рассмотрения человека все куда определеннее. С точки зрения духовной науки, жизнь человека делится на семилетние циклы, и «примерно с 21 года наступает время, когда человек как бы противопоставлен миру как самостоятельное, свободное существо и сам работает над развитием своей души» [Штайнер, 1909]. Поэтому весьма значимо, что пробуждение студента наступает в 22 года.

Суточное время. Описанные события происходят вечером (актуальное время) и ночью (время евангельского события). Здесь нельзя не вспомнить, что впервые рассказ Чехова появился в «Русских ведомостях» под заглавием «Вечером», что подчеркивает значимость этого времени для понимания его содержания. А.А. Белкин считает первое название рассказа «нейтральным». Трудно согласиться, но с этим несколько примиряет его другое высказывание: «Другое дело – какие глубины мыслей и чувств под этими названиями <...> раскрываются» [Белкин, 1973, с.286]. Вечер – это предвестник наступления ночи. Мы уже отметили мрак в рассказе, мрак внешний и внутренний. Так как речь в произведении идет о пробуждении человеческой души, это название оказывается весьма значимым. Оно как бы ставит вопрос: будет ли ночь вечной в человеческой душе, или все-таки после ночи наступит рассвет? Последний метафорически может означать свет, зажженный в человеческой душе.

Календарное время. Действие рассказа происходит весной. В нем есть не только прямое упоминание весны («Протянул один вальдшнеп, и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе» [Чехов, 1977, 8, с.306]), но и времени Страстной недели («по случаю страстной пятницы дома ничего не варили» [Чехов, 1977, 8, с.306]). С одной стороны, это время, связанное с пробуждением, возрождением природы, с другой – с Пасхой, с воскресением Христа. На весну косвенно указывает также упоминание тяги – полета вальдшнепов в брачный период, который начинается в апреле. В контексте календарного времени актуален также возврат зимы. Это первое нарушение линейности времени, своего рода сотрясение основ его линейной последовательности.

Космическое время в произведении связано с актуализацией времени событий крестного пути Христа, воплощенного Бога на земле, и с переживанием их в

период Страстной недели. Возврат к событиям далекого прошлого в реальном времени настоящего задают временную цикличность, а одной из интересных особенностей построения рассказа становится переход от линейного, или исторического времени, к циклическому, или космическому. В самом начале рассказа время словно поворачивается вспять («В весеннем воздухе» «запахло зимой»; «Вот вам и зима пришла назад»; «в самом деле возвращалась зима»). Признаки зимы налицо («По лужам протянулись ледяные иглы», «внезапно наступивший холод», «подул с востока холодный пронизывающий ветер», «все сплошь утопало в холодной вечерней мгле», «У него заоченели пальцы», «пожмаясь от холода», «и стали зябнуть руки»). Холод сопровождается мраком («вечерние потемки сгустились быстрей, чем надо», «И опять наступили потемки», «Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно»). Нарушение привычного хода вещей осознает сам герой: «Ему казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие») [Чехов, 1977, 8, с.306]. Это нарушение линейного поступательного течения времени в рассказе сопровождается также и тягостным настроением героя («Ему казалось <...>, что самой природе жутко» [Чехов, 1977, 8, с.306]). Этот момент возврата зимы вызывает аналогию с хаосом. Отметим, что цикличность времени часто связана с чередованием состояний хаоса и космоса. В рассказе этот хаос внешне проявляется в природе, но соотносится с внутренней жизнью человека, обреченного на холод и мрак сознания, для которого может быть закрыто духовное. И от точки невозврата душу человека спасает именно деяние Христа, его жертвенная смерть и последовавшее за ней воскресение. Эта точка в истории человечества, к которой христианский мир каждый год возвращается в своем переживании, и в которой, как во времена любого ритуала (церковный праздник есть разновидность такого ритуала) линейное время превращается в циклическое, а душа из жизни, текущей по горизонтали, выходит на уровень духовной вертикали. Если в череде линейных событий стоят «лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета» [Чехов, 1977, 8, с.306], то деяние Христа соединяет всех в единой точке общего духовного переживания вне зависимости от того, что происходит на физическом плане. Сначала студент мыслит в категориях линейного исторического времени («такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре» [Чехов, 1977, 8, с.306]), но потом пробуждение выводит его на уровень времени космического – вечности. И входит оно в содержание рассказа с эпизодом отречения Петра в Страстную пятницу через соотнесенность двух вечеров.

То, что горизонтальная прямая жизни студента в определенный момент выходит на уровень вертикали в ее устремленности к духовному, подчеркнута пространственными деталями. Если в самом начале рассказа студент «шел все время заливным лугом по тропинке» [Чехов, 1977, 8, с.306], то в конце он переправляется на пароме через реку и поднимается на гору. Вертикаль эта проходит через место, где горит костер, у которого студент Великопольский рассказывает историю про Петра. Это место, где два пространства – современное и историческое – как бы накладываются друг на друга, и в тексте появляется сопряжение «сейчас» и «тогда»: «...а работники тем временем развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грелись. С ними около костра стоял

Петр и тоже грелся, как вот я теперь» [Чехов, 1977, 8, с.308]; *«точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр»* [Чехов, 1977, 8, с.307]. Костер становится точкой пересечения горизонтали линейного времени и вертикали выхода на уровень духовного переживания. Это место – источник света и тепла. Оно согревает озябшего студента и разгоняет мрак вокруг. Стоит ему от него отойти, и он снова начинает мерзнуть и погружается во тьму (*«И опять наступили потемки, и стали зябнуть руки»*) [Чехов, 1977, 8, с.308]). Место у костра оказывается как бы сакральным центром, своего рода порталом в прошлое, но одновременно и отправной точкой для будущего.

Как известно, попасть в сакральное пространство можно лишь перейдя определенную границу. И граница эта условно в тексте обозначена. Дважды в рассказе упоминаются работники, которые поят своих лошадей у реки – до вступления в пространство с костром (*«Слышались мужские голоса; это здешние работники на реке поили лошадей»*) [Чехов, 1977, 8, с.307]) и при выходе из него (*«Работники возвращались с реки, и один из них верхом на лошади был уже близко, и свет от костра дрожал на нем»*) [Чехов, 1977, 8, с.308]). Упоминание реки наводит на мысль о пограничном пространстве, тем более что студент в конце переправляется через эту реку на пароме. Заметим, что в первом случае присутствие работников угадывается лишь по их доносящимся голосам, а их самих не видно, они погружены во тьму. А во втором случае они уже освещены костром, что символично: свет, зажегшийся в сакральной точке, доходит до людей и освещает их.

Чтобы точка у костра стала значащей, открывающей перспективу духовного познания, надо, чтобы две линии – горизонталь и вертикаль прошли через человеческое сердце, что и происходит в рассказе для каждого по-своему. После этого вечера, скорее всего, студент Великопольский уже никогда не будет прежним. Не исключено, что он начнет свое духовное восхождение. Интересна в этом контексте его фамилия. Она соотносится со словами Чехова из его дневника: *«Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец»* [Чехов, 1980, 17, с.224]. В силу сложившихся встреч и обстоятельств студент в рассказе оказывается в точке, где этот путь начинается. Будучи учеником духовной академии, он только у этого костра и начинает свое путешествие по этому «громадному полю».

MARIANNA MKRTCHYAN – *The Motif of Spiritual Awakening and its Implementation at the Chronotope Level in A.P. Chekhov's Short Story "The Student"* – This article analyzes the motif of spiritual awakening in A.P. Chekhov's Easter story "The Student" (1894) within the context of the Gospel event of Peter's denial and its interpretation, which goes beyond its traditional meaning from the point of view of dogmatic theology and coinciding with its moral and philosophical interpretations of this Gospel event. In interpreting the work, we rely on an approach to the literary text as an open structure that allows for it to be read beyond the author's intention, but closely linked to it. In Chekhov's inclusion of the Gospel text in his work we see an intersection of various semantic codes that allow for dissimilar interpretations. Specifically, the Peter's denial is viewed by us not only as a temporary apostasy and the manifestation of human weakness, but also as a consequence of an altered state of his consciousness. In the Gospel, it is reflected as sleep, which the disciples of Christ are not able to resist. Through that, deepens the theme of awakening in the story. In the story, we examine the

problem of the human soul, searching for meaning in life and finding it through the experience of the Gospel events. In our analysis we rely on the features of the spatial and temporal organization of the text, in which we identify several forms of literary time (biographical, daily, calendar, cosmic), on the basis of which a picture of the hero's transition from a linear (horizontal) path to a spiritual vertical level is constructed.

Key words: *A.P. Chekhov, Easter story, "The Student", Gospel, Peter's denial, Space, Time, Chronotope.*

ИСТОЧНИК

Чехов, А.П., Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Москва: Наука. 1974-1983.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Белкин, А.А., 1973. *Читая Достоевского и Чехова (Статьи и разборы)*. Москва: Художественная литература.
- Богданова, О.В., 2019. Самый любимый рассказ А.П.Чехова «Студент». *Звезда*, 1. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3443> [дата обращения 30.07.2025]
- Бондарев, Г.А., *ANTHROPOS. Энциклопедия духовной науки*. URL: http://bdn-steiner.ru/a1/parset1.php?id_page=104240&level=213 [дата обращения 15.01.2026]
- Воронина, Ю.А., 2014. Рассказ А.П. Чехова «Студент» в итальянской аудитории. *Мир русского слова*, 4, сс.56-63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasskaz-a-p-chehova-student-v-italyanskoj-auditorii/viewer> [дата обращения 21.08.2025]
- Джексон, Р., 1991. «Человек живет для ушедших и грядущих» (О рассказе А. П. Чехова «Студент»). *Вопросы литературы*, 8, сс.125-130. URL: <https://voplit.ru/article/chelovek-zhivet-dlya-ushedshih-i-gryadushhih-o-rasskaze-a-p-chehova-student/> [дата обращения 21.08.2025]
- Злочевская, А.В., 2010. «Студент» А.П. Чехова: Некоторые размышления. URL: https://omiliya.org/article/student-ap-chekhova-nekotorye-razmyshleniya-a-v-zlochevskaya.html#ftnbk_3 [дата обращения 21.08.2025]
- Ларкович, Д.В., 2021. «Мнимое» VS «истинное» прозрение Ивана Великопольского: к вопросу о чеховском оптимизме. *Филологический вестник Сургутского государственного педагогического Университета*, 1(15). сс.94-99. URL: <https://wordtextcontext.ru/index.php/wtc/article/view/65> [дата обращения 14.01.2026]
- Лотман, Ю.М., 1970. *Структура художественного текста*. Москва: Искусство.
- Ляпина, А. В., 2023. Календарная словесность на страницах журналов природы и охоты. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, 17, (3), сс. 85–93. URL: <https://journal.omg.su/wp-content/files/17.3/85-93.pdf>
- Матюшенко, А.Г., 2010. Произведения А.П.Чехова на занятиях по русскому языку с иностранными учащимися-филологами (анализ рассказа «Студент»). *Мир русского слова*, 1, pp.69-77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvedeniya-a-p-chehova-na-zanyatiyah-po-russkomu-yazyku-s-inostrannymi-uchaschimisyafilologami-analiz-rasskaza-student/viewer> [дата обращения 21.08.2025]
- Мокина, Н.В., 2020. Дантовские мотивы в рассказе А.П.Чехова «Студент». *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*, 20(1). сс.59-64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dantovskie-motivy-v-rasskaze-a-p-chehova-student/viewer> [дата обращения 19.07.2025]

- Скарпа, М., 2013. Несколько размышлений по поводу рассказа А.П.Чехова «Студент». *Studi Slavistici*, X, сс.259-264. URL: <https://oaj.fupress.net/index.php/ss/article/view/2310/-2310> [дата обращения 19.07.2025]
- Чудаков, А.1996. «Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле...» Чехов и вера. *Новый мир*, 9, сс.186-192. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/-1996/9/mezhdu-est-bog-i-net-boga-lezhit-czeloe-gromadnoe-pole.html [дата обращения 21.08.2025]
- Шмид, В. 1998. *Проза как поэзия. Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард*. Санкт-Петербург, Инапресс.
- Штайнер, Р., 2010. *Метаморфозы Душевной жизни. Путь внутреннего опыта. Первая часть*. URL: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Steiner&go=page&pid=58> [дата обращения 15.01.2026]

REFERENCES

- Belkin, A.A., 1973. *Chitaya Dostoevskogo i Chekhova (Stat'i i razbory) [Reading Dostoevsky and Chekhov. Articles and analyses]*. Moscow: Hudozhestvennaya Literature Publ. (In Russian)
- Bogdanova, O.V., 2019. Samyj lyubimyj rasskaz A.P.Chekhova «Student» [Chekhov's favorite short story ("The Student")]. *Zvezda*, 1. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3443> [Accessed 30.07.2025] (In Russian)
- Bondarev, G.A., *ANTHROPOS. Enciklopediya duhovnoj nauki. Opyt enciklopedicheskogo izlozheniya duhovnoj nauki Rudol'fa Shtajnera [ANTHROPOS. Encyclopedia of Spiritual Science]*. URL: http://bdn-steiner.ru/a1/parset1.php?id_page=104240&level=213 [Accessed 15.01.2026] (In Russian)
- Voronina, Yu.A., 2014. Rasskaz A.P.Chekhova «Student» v ital'yanskoj auditoria [A.P. Chekhov's Story "The Student" in an Italian Audience]. *Mir russkogo slova*, 4, pp.56-63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasskaz-a-p-chehova-student-v-italyanskoy-auditorii-viewer> [Accessed 21.08.2025] (In Russian)
- Jackson, R., 1991. «Chelovek zhivet dlya ushedshih i gryadushchih» (O rasskaze A. P. Chekhova «Student») [Man Lives for Those who have Passed and for Those who are Coming (About of Chekhov's short story "The Student")]. *Voprosy literatury*, 8, pp. 125-130. URL: <https://voplit.ru/article/chelovek-zhivet-dlya-ushedshih-i-gryadushchih-o-rasskaze-a-p-chehova-student/> [Accessed 21.08.2025] (In Russian)
- Zlochevskaya, A.V., 2010. «Student» A.P. Chekhova: Nekotorye razmyshleniya ["The Student" by A.P. Chekhov: Some Reflections]. URL: https://omiliya.org/article/student-ap-chekhova-nekotorye-razmyshleniya-a-v-zlochevskaya.html#ftnbk_3 [Accessed 21.08.2025] (In Russian)
- Larkovich, D.V., 2021. «Mnimoe» VS «istinnoe» prozrenie Ivana Velikopol'skogo: k voprosu o chekhovskom optimizme ["Imaginary" vs "True" Epiphany of Ivan Velikopolsky: on the Question of Chekhov's Optimism]. *Filologicheskij vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1(15). pp.94-99. URL: <https://wordtextcontext.ru/index.php/wtc/article/view/65> [Accessed 14.01.2026] (In Russian)
- Lotman, Yu.M., 1970. *Struktura hudozhestvennogo teksta [The Structure of the Artistic Text]*. Moscow. Iskustvo Publ. (In Russian)
- Lyapina, A.V., 2023. Kalendarnaya slovesnost' na stranicah zhurnalov prirody i ohoty [Christmas and Easter Stories on the Pages of Nature and Hunting Magazines]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 17, (3), pp. 85–93. URL: <https://journal.omega.su/wp-content/files/17.3/85-93.pdf> [Accessed 22.08.2025] (In Russian)
- Matyushenko, A.G., 2010. Proizvedeniya A.P. Chekhova na zanyatiyah po russkomu yazyku s inostrannymi uchashchimisya-filologami (analiz rasskaza «Student») [A.P. Chekhov's Works in Russian Language Classes for Foreign Students Majoring in Philology (Analysis

- of the Story "The Student"). *Mir russkogo slova*, 1, pp.69-77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvedeniya-a-p-chehova-na-zanyatyah-po-russkomu-yazyku-s-inostrannymi-uchaschimisya-filologami-analiz-rasskaza-student/viewer> [Accessed 21.08.2025] (In Russian)
- Mokina, N.V., 2020. Dantovskie motivy v rasskaze A.P.Chekhova «Student» [Dante's Motives in A.P.Chekov's Story "The Student"]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 20(1). pp.59-64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dantovskie-motivy-v-rasskaze-a-p-chehova-student/viewer> [Accessed 19.07.2025] (In Russian)
- Skarpa, M., 2013. Neskol'ko razmyshlenij po povodu rasskaza A.P.Chekhova «Student» [Some Thoughts on the Short-Story "The Student" by A.P. Chekhov]. *Studi Slavistici*, X, pp.259-264. URL: <https://oaj.fupress.net/index.php/ss/article/view/2310/2310> [Accessed 19.07.2025] (In Russian)
- Chudakov, A., 1996. «Mezhdú «est' Bog» i «net Boga» lezhit celoe gromadnoe pole...» Chekhov i vera ["Between 'there is God' and 'there is no God' Lies a Whole Vast Field..." Chekhov and Faith]. *Novyj mir*, 9, pp.186-192. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1996/9/mezhdú-est-bog-i-net-boga-lezhit-celoe-gromadnoe-pole.html [Accessed 21.08.2025] (In Russian)
- Schmid, W., 1998. *Proza kak poeziya. Pushkin, Dostoevskij, Chekhov, avangard* [Prose as Poetry. Pushkin, Dostoevsky, Chekhov, Avant-garde]. St.Petersburg, Inapress Publ. (In Russian)
- Shteyner, R., 2010. *Metamorfozy Dushevnoj zhizni. Put' vnutrennego opyta. Chast' 1* [Metamorphoses of the Soul: Paths of Experience, Vol. 1]. URL: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Steiner&go=page&pid=58> [Accessed 15.01.2026] (In Russian)

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА БЛОКА И АНДРЕЯ БЕЛОГО

ЭДГАР АРШАКЯН*

Ереванский государственный университет

Аннотация: Статья приурочена к 145-летию со дня рождения Александра Блока и Андрея Белого и посвящена анализу современного состояния проблемы сопоставительного изучения творчества двух крупных представителей русского символизма. Цель работы – систематизировать основные направления научной рецепции взаимосвязей поэтов и определить перспективы дальнейших изысканий. В контексте обозначенной проблемы реконструируется динамика научной рецепции взаимосвязей Блока и Белого: от ранних интерпретаций начала XX века, заложивших основы сопоставительного подхода, через идеологически обусловленные трактовки советского литературоведения к современным исследованиям, сосредоточенным на анализе различных форм творческого взаимодействия двух авторов. Показано, что ранние работы преимущественно были направлены на выявление общих мировоззренческих и поэтических установок двух авторов. В советский период интерпретация взаимоотношений Блока и Белого оказалась во многом подчинена идеологическим установкам, что привело к акцентированию личных конфликтов и неравномерной оценке творческого наследия поэтов. В современных исследованиях наблюдается смещение исследовательского фокуса к анализу конкретных форм взаимодействия – от мотивных и образных соответствий до эпистолярного диалога и межтекстовых переключек. Вместе с тем существующие на сегодняшний день исследования не складываются в целостную концепцию сопоставительного изучения творчества двух поэтов. Таким образом, статья вводит в научный оборот систематизированное представление о логике развития исследований творческих контактов Блока и Белого, обосновывая необходимость дальнейшего сопоставительного анализа их художественной эволюции.

Ключевые слова: Александр Блок, Андрей Белый, творческие контакты, литературные переключки, взаимовлияние.

* Эдгар Аршакян – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской литературы ЕГУ

Էդգար Արշակյան – քաննասիրական գիտությունների թեկնածու, ԵՊՀ ռուս գրականության ամբիոնի ասիստենտ

Edgar Arshakyan – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, YSU, Chair of Russian Literature

Эл. почта: edgar.arshakyan@ysu.am, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0062-7017>

Постановка проблемы

2025 год, ознаменованный 145-летием со дня рождения Александра Блока и Андрея Белого, актуализирует обращение к проблеме сопоставительного изучения творчества двух крупных представителей русского символизма. Литературные переключки в творчестве Блока и Белого, как и разные аспекты взаимовлияния двух поэтов, не раз обращали на себя внимание исследователей. Говоря об отношении Блока к отдельным поэтам-символистам, Д.Е. Максимов отмечает: «Более сложным было отношение Блока к Андрею Белому, который при всех расхождениях, происходящих между ними, многими гранями своего мировоззрения стоял к нему ближе, чем другие ведущие литераторы-символисты, и вызывал в нем интерес, сочувствие, а иногда и восхищение» [Максимов, 1981, с.434]. Неслучайно, что в заглавиях современных работ, посвященных творческим связям Блока и Белого, встречаются такие формулировки, как «литературное двойничество», «поэтическое братство» и т.п. [Магомедова, 1997b; Нива, 2008]. Однако проблема сопоставительного исследования творчества Блока и Белого до сих пор не получила системной разработки. На актуальность этой задачи указывает А.В. Лавров:

Как в системе исходных, изначально определившихся духовно-эстетических идеалов, так и в характере творческой эволюции обоих “младших” символистов прослеживаются очевидные соответствия. Они предстанут особенно наглядно, когда будет проведен доскональный сопоставительный анализ художественных систем Белого и Блока, их образно-мотивной структуры, особенностей символического – и символистского – языка и стиля [Лавров, 2001, с.3].

В данной статье мы попытаемся очертить эволюцию научной рецепции творческих контактов Блока и Белого.

Ранние опыты осмысления концептуальной общности творчества Блока и Белого

Первые разработки темы принадлежат Иванову-Разумнику. Объединив в 1919 году в одну книгу статьи, посвященные творчеству Блока и Белого, Иванов-Разумник писал: «Соединяю здесь свои статьи минувшего пятилетия о двух поэтах, родных по духу, различных по стихии» [Иванов-Разумник, 1919, с.9]. Книга впоследствии полностью вошла в дополненное новыми статьями издание «Вершины: Александр Блок. Андрей Белый» [Иванов-Разумник, 1923]. Будучи чутким и проникновенным критиком, Иванов-Разумник прослеживает в творчестве Блока и Белого параллели, в дальнейшем не раз привлекавшие внимание исследователей (темы Востока и Запада, «панмонголизма», исторического возмездия и исторических судеб России). Не принижая значения всех последующих исследований, нельзя тем не менее не отметить исключительную ценность книги Иванова-Разумника. Во-первых, следует учитывать определенную общность мировоззрения двух поэтов и идейного вдохновителя «скифства». Во-вторых, заслуживает внимания то, что работы Иванова-Разумника получили высокую оценку со

стороны Блока и Белого. Так, по поводу статьи о «Петербурге» Белый писал ее автору:

Только перед самым отъездом из Берлина А.А. Шрейдер показал мне изумительное Ваше исследование о моем “Петербурге”; читал, изучал его, – изумлялся: и тем большим выводам, которые явствуют из этой статьи, и той изумительной, филигранной и трудной работе, которую произвели Вы и которая является совершенно единственной и исключительной во всей русской критике; здесь изумительное сочетание интуиции, проникновения с деталями формального метода, преодоление его изнутри; и мне радостно, что эта огромная, замечательная работа посвящена “Петербургу”. Спасибо, горячее спасибо Вам: не говорю уже, сколько я о себе узнал из Вашего анализа» [Белый – Иванов-Разумник, 1998, с.249].

Отметим также, что после публикации статьи «Испытание в грозе и буре», посвященной «Двенадцати» и «Скифам», Блок записал: «Издавать “Двенадцать” и “Скифов” вместе со статьей Иванова-Разумника. Я исследовал ее ночью» [Блок, 1965, с.400].

Советский период

Известные тенденции, впоследствии определившие предвзятую оценку творчества символистов, долгое время препятствовали объективной разработке данной проблемы. Так, в 1937 году в «символистском» томе «Литературного наследия» (Т. 27-28) были опубликованы фрагменты переписки Блока и Белого за 1907 год. Приведем характерную цитату из данной публикации В.Н. Орлова: «Только очень немногие, лучшие из символистов – Блок, Брюсов, Белый – сумели с большим или меньшим успехом преодолеть глубочайшие противоречия своего мировоззрения» [Орлов, 1937, с.372]. Здесь, помимо деления символистов на «лучших» и, следовательно, «худших», легко заметить иерархическую структуру ряда «преодолевших противоречия». При этом Белый оказывается преодолевшим «с наименьшим успехом». О тенденциозности советского литературоведения в отношении творчества Белого за последние десятилетия написано достаточно, однако тему эту, ставшую общим местом, не представляется возможным обойти полностью.

Характерно, что названная публикация освещает именно конфликтный эпизод. Все признания о внутреннем расхождении и взаимном непонимании друг друга, сделанные в разгар острого конфликта, подкрепляли образ «истерической» (подхваченное Орловым не очень удачное выражение Белого) дружбы Блока и Белого, которая, конечно, была далеко не идиллической.

Отдельным изданием переписка поэтов вышла в 1940 году со вступительной статьей Орлова «История одной “дружбы-вражды”» [Блок – Белый, 1940]. Несмотря на несомненную значимость данного издания для изучения личных и творческих контактов Блока и Белого, оно не было свободно от влияния обозначенных тенденций. На это обращает внимание А.В. Лавров:

книга эта, однако, могла быть тогда напечатана лишь при условии соблюдения определенных идеологических правил игры и диктуемого ими неравномерного распределения света и тени: “свет” достается Александру Блоку, приобщаемому – с переменным успехом – к сонму официально признанных советских литературных классиков; “тени” – Андрею Белому, обладателю незавидной репутации нераскаянного мистика и “религиозного мракобеса” [Лавров, 2001, с.10].

Позднее «История одной “дружбы-вражды”» вместе с очерком «История одной любви» вошла в книгу Орлова «Пути и судьбы». Несмотря на то что второй очерк посвящен отношениям Блока и Л.Д. Менделеевой-Блок, в нем по известным причинам не последнее место отводится Белому [Орлов, 1971b]. Однако, оставив в стороне весь негативно-оценочный пласт осмысления личности Белого, обратимся к проблеме освещения взаимоотношений двух поэтов.

«Историю одной “дружбы-вражды”» пронизывает идея внутреннего расхождения Блока и Белого, внешнего характера всякого сходства как в мировоззренческом плане, так и в художественном. Приведем достаточно показательные выдержки: «Впоследствии, когда они внешне изжили свою ссору и “остыли до дружбы холодно-духовной”, Белый истолковывал творчество Блока как единый, цельный и закономерный мистический путь» [Орлов, 1971а, с.513]; «В течение 1903 года заочная дружба Блока и Белого внешним образом продолжала крепнуть и развиваться» [Орлов, 1971а, с.536]; «Последние нити, связывавшие Блока и Белого, порвались. Они разошлись спокойно, без ссоры, как бы по молчаливому уговору, и отношения их приняли совершенно внешний характер [Орлов, 1971а, с.620]. Обозначенная установка касается не только личных отношений поэтов: «Общественно-литературная позиция Андрея Белого, если отвлечься от полемики его с Блоком, в годы реакций внешне во многом носила черты сходства с позицией последнего» [там же: с.579-580].

Несмотря на то что творческие связи Блока и Белого здесь занимают положение периферийное, Орловым последовательно акцентируется расхождение поэтов в разработке конкретных тем и мотивов:

Идея “панмонголизма” произвела глубокое впечатление и на Блока и на А. Белого еще в пору их юности. В 1911 году (отчасти в связи с подъемом национально-освободительного движения в Китае) она зазвучала для них с новой силой. Впрочем, и к этой общей для них теме Блок и Белый подходили по-разному. <...>

Совсем иную роль – при внешнем сходстве – играла соловьевская идея “панмонголизма” для Андрея Белого. В общей системе его тогдашних философско-исторических взглядов и в его творчестве той поры (роман “Петербург”) идея эта имела уже не просто объективно реакционный, но обнаженно контрреволюционный смысл [там же: сс. 612; 614].

Более объективное освещение вопроса личных и литературных контактов двух поэтов стало возможным только после пересмотра отношения к творчеству Белого.

Дальнейшая разработка проблемы

В работах, вышедших за последние десятилетия, затрагивается достаточно широкий спектр проблем. В отдельную группу можно выделить исследования, посвященные рецепции личности Блока в романе Белого «Серебряный голубь».

Отмечая внутреннюю преемственность «Серебряного голубя» по отношению к другому произведению Белого – рассказу «Куст», В.Н. Топоров указывает на жизненный, «внетекстовый» подтекст обоих произведений. Как показывает исследователь, подтекст этот, отсылающий к личному конфликту Блока и Белого, отражается на образно-мотивном уровне введением «блоковской» темы [Топоров, 1993].

Проблема отражения образа Блока на персонажном уровне «Серебряного голубя» более детально раскрывается в отдельном пространном исследовании того же автора. Психологическую мотивировку введения блоковской темы в роман Топоров связывает с убежденностью Белого в том, что в образах мистиков («Балаганчик») и дурачков («Пузыри земли») Блок в свое время изобразил молодых «аргонавтов». В образе главного героя, желающего стать частью секты, будучи при этом внутренне чуждым данному кругу, Топоров усматривает отсылку к блоковской проблематике народа и интеллигенции. В плане «блоковского» слоя исследователь также выделяет болотную тематику, связанную в «Серебряном голубе» с образом Дарьяльского.

Еще одна любопытная линия, обнаруживающая «блоковский» слой в образе Дарьяльского, – мотив демонизма, в определенной степени соотносящий поэзию Блока с творчеством Врубеля. В связи с этой линией исследователь акцентирует два момента. Первый связан с «автодемонизацией» Блока, второй – с ориентацией Белого на врубелевского «Демона поверженного» в разработке мотива «полета – падения» Дарьяльского. В обозначенном контексте трактует исследователь и «мотивировку фамилии героя» (формулировка Топорова), подчеркивая существующую в русской художественной культуре ассоциативную связь Дарьяльского ущелья с «Демоном» Лермонтова.

При этом, как показывает Топоров, на персонажном уровне романа «блоковский» слой в некоторых случаях совмещается с «соловьевским» (С. Соловьев), отчасти маскируясь им, в других – выступает самостоятельно [Топоров, 1999].

«Блоковский» пласт «Серебряного голубя» обратил на себя внимание и других исследователей. Здесь следует назвать статью Н.Г. Пустыгиной. Исследовательница рассматривает «блоковский» слой романа в свете внутрисимволистской полемики, показывая, что многие темы и мотивы («хлыстовство», «странничество») отражают стремление Белого осмыслить личность и творческую эволюцию Блока [Пустыгина, 1993].

Отметим, что в плане литературных контактов Блока и Белого роман «Серебряный голубь» привлек внимание исследователей не только наличием «блоковской» темы. В ином ракурсе рассматривает роман Белого В. Коно. Автор сопоставляет «Серебряный голубь» с драмой Блока «Песня судьбы», обращая

внимание на совпадение некоторых сюжетных ситуаций в двух произведениях. Вместе с тем, анализируя действия центральных образов, Коно подчеркивает полемичность «Серебряного голубя» по отношению к пьесе Блока [Коно, 1997].

Среди других исследований, затрагивающих проблему литературных контактов Блока и Белого, в первую очередь следует выделить две статьи Д.М. Магомедовой. Рассматривая в одной из них процесс формирования символистского языка в переписке Блока и Белого, исследовательница прослеживает любопытные случаи «выхода» эпистолярного диалога поэтов в художественное творчество: эпизод обсуждения образа Купины, послуживший толчком к написанию рассказа «Куст»; выработанный в ранней переписке комплекс значений «снежной» символики, отраженный в образно-мотивных системах «Снежной Маски» Блока и четвертой «симфонии» Белого «Кубок метелей» и др. [Магомедова, 1997а, сс.111-130].

В другой статье Магомедова ставит вопрос изучения «дистанционированного» влияния «Северной симфонии» на произведения Блока 1905-1907 гг. Указывая на ряд сюжетных и мотивных переключек между «Северной симфонией» и драмой Блока «Король на площади», исследовательница обращает внимание на полемическое переосмысление сюжета в блоковской пьесе. Как показывает Магомедова, образно-мотивный строй «Северной симфонии» находит своеобразное отражение и в других произведениях Блока (цикл «Пузыри Земли», поэма «Ночная Фиалка» и др.) [Магомедова, 1997b, сс.131-138].

Следует, однако, отметить, что несколько спорным представляется в статье заключение автора:

Итак, перед нами по-своему уникальное явление в истории литературы: феномен литературного двойничества. Два по-настоящему крупных поэта в одно и то же время (даже родились в одном и том же году) проходят почти синхронно одни и те же параллельные этапы художественной эволюции, пользуясь одним и тем же (в значительной степени) кругом мотивов, устойчивых символов и сюжетов. При этом наблюдается еще одна весьма странная закономерность: помимо общих символических источников (поэзия и философия Вл. Соловьева, Евангелие, поэзия Фета и др.), генератором мотивов и сюжетов, как правило, оказывается Андрей Белый; обратные случаи крайне редки, хотя есть и просто спонтанное совпадение некоторых сюжетов. Но странность этой закономерности заключается в том, что в русское общекультурное сознание эти мотивы входят через творчество Блока. Литературные репутации обоих поэтов эволюционировали прямо противоположным образом, в отличие от параллелизма в творческой эволюции [там же: с.137].

Общность устойчивого круга символов и мотивов в творчестве двух поэтов не подлежит сомнению. Вместе с тем утверждение о доминирующей роли Белого в плане генерации мотивов и образов вряд ли следует принимать безоговорочно. Не стоит упускать из виду признание самого Белого:

Вероятно, он (Блок – Э.А.) и не подозревал, сколькими статьями я ему обязан, сколько идеологических оформлений созрело во мне под импульсом его глубокой, молчаливой личности! Во многом он сам бывал для меня тою глубинной книгой, которую я читал, порою запутываясь, с трудом дешифрируя сложные и невнятные тексты этой глубинной книги, – раздражаясь порой градом фельетонов и публицистических заметок против невнятного текста молчания А. А. [Белый, 1980, с.309].

О влиянии другой «симфонии» А. Белого на поэзию Блока периода «Распутий» пишет Л.Л. Пильд. Исследовательница обращается к одному из ключевых текстов блоковской лирики данного периода – к стихотворению «Я смотрел на слепое людское строение ...» (1902), указывая на связь стихотворения с образно-мотивной системой «Симфонии (2-й, драматической)» Белого [Пильд, 1985].

Выделим также статью С.П. Ильёва, в которой рассматривается символистская интерпретация Куликовской битвы в цикле Блока «На поле Куликовом» и в романе Белого «Петербург». Автор показывает, что Куликовское сражение как символическое событие, выражающее мотив духовного подвига, воспринимается Белым сквозь призму блоковского цикла, определяя собой развитие аналогичного мотива в «Петербурге». Как отмечает исследователь, Куликовская битва в обоих произведениях выступает в качестве историософской мифологемы, связанной с идеей теофании [Ильёв, 1991].

В завершение отметим, что помимо обозначенных аспектов в литературоведческих работах затрагивались и более частные вопросы творческих контактов Блока и Белого [Скворцова, 1985; Лекманов, 2000; Нива, 2008; Гроховская, 2008 и др.]. Разумеется, различные формы их творческого взаимодействия рассматриваются и в ряде обобщающих исследований, посвящённых творчеству Блока и Белого, однако в данной статье мы сфокусировали внимание на работах, специально дискутирующих проблему литературных контактов двух поэтов.

Заключение

Несмотря на значительное число исследований, посвящённых литературным контактам Блока и Белого, проблема выявления общих закономерностей их творческой эволюции до сих пор не получила системного осмысления. Т.Ю. Хмельницкая обращает внимание на неоднократное скрещивание поэтических путей Блока и Белого: «Первая встреча относится к началу их дружбы – в 1903-1904 годах, когда каждый по-своему осуществлял и продолжал в поэзии заветы и идеи Вл. Соловьева. <...> Вторая встреча – стихи о России, и третья – поэмы, посвященные революции: “Двенадцать” Блока и “Христос воскрес” Белого». [Хмельницкая, 1966, с.31-32]. При этом следует отметить, что данный аспект изучения творческой эволюции поэтов разработан в наименьшей степени. Так, на сегодняшний день остается открытой задача сопоставительного изучения ранней лирики Блока и Белого, несмотря на то что наиболее тесное сближение поэтов приходится именно на этот период. Единственная известная нам публикация по данной теме – тезисы К.Г. Петросова, посвященные мифопоэтическому хронотопу «Стихов о Прекрасной Даме» и «Золота в лазури» [Петросов, 1990, сс.74-76].

Публикация эта, однако, по понятным причинам, представляет собой предельно обобщенное изложение. В плане сопоставительного анализа лирики обозначенного периода можно также указать на нашу статью, опубликованную на страницах настоящего журнала [Аршакян, 2020]. Закономерности последующей творческой эволюции поэтов остаются недостаточно изученными и не получили целостного научного осмысления.

EDGAR ARSHAKYAN - *Problems of the Comparative Study of the Works of Alexander Blok and Andrei Bely.* - The article is dedicated to the 145th anniversary of the births of Alexander Blok and Andrei Bely and examines the current state of research on the comparative study of the works of these two prominent representatives of Russian Symbolism. The aim of the study is to systematize the main directions in the scholarly reception of the poets' interrelations and to identify prospects for further research. In the context of this problem, the article reconstructs the dynamics of scholarly reception of the connections between Blok and Bely: from early 20th-century interpretations that laid the foundations of the comparative approach, through ideologically conditioned interpretations in Soviet literary scholarship, to contemporary studies focused on analyzing various forms of creative interaction between the two authors. It is shown that early works were primarily aimed at identifying shared worldview and poetic principles of the two authors. During the Soviet period, interpretations of the relationship between Blok and Bely were largely subordinated to ideological constraints, which led to an emphasis on personal conflicts and an uneven assessment of the poets' creative legacies. In contemporary research, there is a noticeable shift in focus toward the analysis of specific forms of interaction, ranging from motif and imagery correspondences to epistolary dialogue and intertextual resonances. At the same time, existing studies do not form a coherent concept of the comparative study of the poets' works. Thus, the article offers a systematized account of the logic underlying the development of research on the literary contacts between Blok and Bely, substantiating the need for further comparative analysis of their artistic evolution.

Keywords: Alexander Blok, Andrei Bely, creative contacts, literary parallels, mutual influence.

ИСТОЧНИКИ

- Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. Санкт-Петербург: Atheneum; Феникс, 1998.
- Блок А.А. Записные книжки. М.: Художественная литература, 1965.
- Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. Москва: Государственный литературный музей, 1940.
- Андрей Белый. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников. В двух томах. Т.1. Москва: Художественная литература, 1980, сс.204-322.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Аршакян, Э.С., 2020. Мифопоэтическая система «Стихов о Прекрасной Даме» А. Блока и «Золота в лазури» А. Белого в контексте софиологии Вл. Соловьева. *Вестник Ереванского университета. Русская филология.* 16 (1), сс.21-34.

- Гроховская, Н.А., 2008. Ибсен в статьях Блока и Белого 1905-1908 годов: к проблеме комментирования прозы Блока. В кн.: И.С. Приходько, ред. *Шахматовский вестник. Вып. 9*. Москва: Наука, сс.205-212.
- Иванов-Разумник, Р.В., 1919. Вьюга и пламя. В кн.: Иванов-Разумник Р.В. *Александр Блок. Андрей Белый*. Петербург: Алконост, с.9.
- Иванов-Разумник, Р.В., 1923. Андрей Белый. В кн.: Иванов-Разумник Р.В. *Вершины: Александр Блок. Андрей Белый*. Петроград: Колос, сс.29-86.
- Ильёв, С.П., 1991. Куликовская битва как «символическое событие» (цикл «На поле Куликовом» Блока и роман «Петербург» Андрея Белого). В кн.: Ю.К. Герасимов, ред. *Александр Блок. Исследования и материалы*. Ленинград: Наука, сс.22-40.
- Коно, В., 2002. Художественное пространство и персонажи в «Серебряном голубе» А. Белого и «Песне судьбы» А. Блока. В кн.: *Проблемы изучения художественного произведения в школе и вузе. Вып. 2*. Пространство и время в художественном произведении. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. педагогического ун-та, сс.135-139.
- Лавров, А.В., 2001. Предисловие. В кн.: А.В. Лавров, ред. *Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919*. Москва: Прогресс-Плеяда, сс.3-12.
- Лекманов, О.А., 2000. Недотыкомка и Незнакомка (о двух подтекстах «Серебряного голубя» Андрея Белого). В кн.: *Блоковский сборник XV. Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX-XX вв.* Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, сс.150-170.
- Магомедова, Д.М., 1997б. Александр Блок и Андрей Белый – феномен литературного двойничества В кн.: Магомедова Д.М. *Автобиографический миф в творчестве А. Блока*. Москва: Мартин, сс.131-138.
- Магомедова, Д.М., 1997а. Переписка как целостный текст и источник сюжета. (На материале переписки Блока и Андрея Белого, 1903-1908 гг.). В кн.: Магомедова Д.М. *Автобиографический миф в творчестве А. Блока*. Москва: Мартин, сс.111-130.
- Максимов, Д.Е., 1981. *Поэзия и проза А. Блока*. Ленинград: Советский писатель.
- Нива, Ж., 2008. Поэтическое братство Андрея Белого и А.А. Блока. В кн.: М.Л. Спивак и др., ред. *Андрей Белый в изменяющемся мире*. Москва: Наука, сс.42-48.
- Орлов, В.Н., 1937. Александр Блок и Андрей Белый в 1907 году. В кн.: П.И. Лебедев-Полянский, ред. *Литературное наследство. Т.27-28*. Москва: Журнально-газетное объединение, сс.371-408.
- Орлов, В.Н., 1971а. История одной «дружбы-вражды» В кн.: Орлов В.Н. *Пути и судьбы. Литературные очерки*. Ленинград: Советский писатель, сс.507-635.
- Орлов, В.Н., 1971б. История одной любви. В кн.: Орлов В.Н. *Пути и судьбы. Литературные очерки*. Ленинград: Советский писатель, сс.636-743.
- Петросов, К.Г., 1990. Художественное время и пространство в сборниках А. Блока «Стихи о прекрасной даме» и А. Белого «Золото в лазури». В кн.: Ф.П. Федоров, ред. *Пространство и время в литературе и искусстве*. Даугавпилс: Изд-во Даугавпилсского педагогического института имени Я.Э. Калнберзина, сс.74-76.
- Пильд, Л.Л., 1985. Из творческих связей Ал. Блока и А. Белого в период «Распутий» В кн.: З.Г. Минц, ред. *Блоковский сборник VI. А. Блок и его окружение*. Тарту: Изд-во Тартуского государственного ун-та, сс.43-50.
- Пустьгина, Н.Г., 1993. «Трагедия творчества» (А. Блок и роман А. Белого «Серебряный голубь»). В кн.: А. Мальц, ред. *Блоковский сборник XII*. Тарту: ИЦ-Гарант, сс.79-90.
- Скворцова, Н.В., 1985. Александр Блок в статье Андрея Белого «Химеры» В кн. З.Г. Минц, ред. *Блоковский сборник <V>. Мир А. Блока*. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, сс.88-95.
- Топоров, В.Н., 1993 «Куст» и «Серебряный голубь» Андрея Белого: к связи текстов и о предполагаемой «внелитературной» основе их. В кн.: А. Мальц, ред. *Блоковский сборник XII*. Тарту: ИЦ-Гарант, сс.91-109.

Топоров, В.Н., 1999. О «блоковском слове» в романе Андрея Белого «Серебряный голубь». В кн.: М.Л. Гаспаров, ред. *Москва и «Москва» Андрея Белого*. Москва: Изд-во Российского гос. гуманитарного ун-та, сс.212-316.

REFERENCES

- Arshakyan, E.S., 2020. Mifopojeticheskaja sistema «Stihov o Prekrasnoj Dame» A. Bloka i «Zolota v lazuri» A. Belogo v kontekste sofiologii V. Solov'eva [Mythopoetic System of A. Blok's "Verses about the Beautiful Lady" and A. Bely's "Gold in Azure" in the Context of V. Solov'yov's Sophiology]. *Vestnik Erevanskogo universiteta. Russkaja filologija [Bulletin of Yerevan University. Russian Philology]*. 16 (1), pp.21-34. (in Russian).
- Grohovskaja, N.A., 2008. Ibsen v stat'jah Bloka i Belogo 1905-1908 godov: k probleme kommentirovaniya prozy Bloka [Ibsen in Blok's and Bely's Articles of 1905–1908: On the Problem of Commenting on Blok's Prose]. In I.S. Prihod'ko, red. *Shahmatovskij vestnik. Vyp. 9. [Shahmatovo Bulletin. Issue 9]*. Moscow: Nauka Publ., 2008, pp. Moscow: Nauka Publ., pp.205-212. (in Russian).
- I'ev, S.P., 1991. Kulikovskaya bitva kak «simvolicheskoe sobytie» (tsikl «Na pole Kulikovom» Bloka i roman «Peterburg» Andreyja Belogo) [The Battle of Kulikovo as a "symbolic event" (the cycle "On the Kulikovo Field" by Blok and the novel "Petersburg" by Andrey Bely)]. In: Ju.K. Gerasimov, ed. *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy [Alexander Blok: Research and Materials]*. Leningrad: Nauka Publ, pp.22-40. (in Russian).
- Ivanov-Razumnik, R.V., 1919. V'juga i plamja [Blizzard and Flame]. In: Ivanov-Razumnik R.V. *Aleksandr Blok. Andrej Belyj [Alexander Blok. Andrei Bely]*. Petersburg: Alkonost Publ., p.9. (in Russian).
- Ivanov-Razumnik, R.V., 1923. Andrej Belyj [Andrei Bely]. In.: Ivanov-Razumnik R.V. *Vershiny: Aleksandr Blok. Andrej Belyj [The Summits: Alexander Blok. Andrei Bely]*. Petrograd: Kolos Publ., pp.29-86. (in Russian).
- Kono, V., 2002. Hudozhestvennoe prostranstvo i personazhi v «Serebrjanom golube» A. Belogo i «Pesne sud'by» A. Bloka [Artistic Space and Characters in A. Bely's "The Silver Dove" and A. Blok's "The Song of Fate"]. In: *Problemy izuchenija hudozhestvennogo proizvedenija v shkole i vuze. Vyp. 2. Prostranstvo i vremja v hudozhestvennom proizvedenii [Problems of Studying a Literary Work in School and University. Issue 2. Space and Time in a Literary Work]*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University Publ., 2002, pp.135-139. (in Russian).
- Lavrov, A.V., 2001. Predislovie [Preface]. In: A.V. Lavrov, red. *Andrej Belyj i Aleksandr Blok. Perepiska. 1903–1919 [Andrei Bely and Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919]*. Moscow: Progress-Plejada Publ. pp.3-12. (in Russian).
- Lekmanov, O.A., 2000. Nedotykomka i Neznakomka (o dvuh podtekstah «Serebrjanogo golubja» Andreyja Belogo) [Nedotykomka and Neznakomka (On Two Subtexts of Andrei Bely's The Silver Dove)]. In: *Blokovskij sbornik XV. Russkij simbolizm v literaturnom kontekste rubezha XIX-XX vv. [Blok Collection XV. Russian Symbolism in the Literary Context of the Turn of the 19th–20th Centuries]*. Tartu: Tartu State University Publ., 2000, pp.150-170. (in Russian).
- Magomedova, D.M., 1997a. Perepiska kak tselostnyy tekst i istochnik syuzheta. (Na materiale perepiski Bloka i Andreyja Belogo, 1903-1908 gg.) [Correspondence as a holistic text and source of plot. (Based on the correspondence between Blok and Andrey Bely, 1903-1908)]. In: Magomedova D. M. *Avtobiograficheskiy mif v tvorchestve A. Bloka [Autobiographical Myth in the Works of A. Blok]*. Moscow: Martin Publ, pp.111-130. (in Russian).
- Magomedova, D.M., 1997b. Aleksandr Blok i Andrej Belyj – fenomen literaturnogo dvojnichestva [Alexander Blok and Andrei Bely – The Phenomenon of Literary Duality]. In: Magomedova D. M. *Avtobiograficheskiy mif v tvorchestve A. Bloka [Autobiographical Myth in the Works of A. Blok]*. Moscow: Martin Publ, pp.131-138. (in Russian).

- Maksimov, D.E., 1981. *Pojezija i proza A. Bloka* [The Poetry and Prose of Alexander Blok]. Leningrad: Sovetskij pisatel'. (in Russian).
- Niva, Zh., 2008. Pojeticheskoe bratstvo Andreja Belogo i A.A. Bloka [The Poetic Brotherhood of Andrei Bely and A. A. Blok]. In: M.L. Spivak et al., red. *Andrej Belyj v izmenjajushhemsja mire* [Andrei Bely in a Changing World]. Moscow: Nauka Publ., pp.42-48. (in Russian).
- Orlov, V.N., 1937. Aleksandr Blok i Andrej Belyj v 1907 godu [Alexander Blok and Andrei Bely in 1907]. In: P.I. Lebedev-Poljanskij, ed. *Literaturnoe nasledstvo. T.27-28* [Literary Heritage, Vols. 27–28]. Moscow: Zhurnarno-Gazetnoe Obyedinenie Publ., pp.371-408. (in Russian).
- Orlov, V.N., 1971a. Istorija odnoj «druzhby-vrazhdy» [The Story of a “Friendship–Enmity”] In: Orlov V.N. *Puti i sud'by. Literaturnye ocherki* [Paths and Fates: Literary Essays]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ, pp.507-635. (in Russian).
- Orlov, V.N., 1971b. Istorija odnoj ljubvi [The Story of a Love Affair]. In: Orlov V.N. *Puti i sud'by. Literaturnye ocherki* [Paths and Fates: Literary Essays]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ, pp.636-743. (in Russian).
- Petrosov, K.G., 1990. Hudozhestvennoe vremja i prostranstvo v sbornikah A. Bloka «Stihi o prekrasnoj dame» i A. Belogo «Zoloto v lazuri» [Artistic Time and Space in A. Blok's Verses about the Beautiful Lady and A. Bely's Gold in Azure]. In: F.P. Fedorov, ed. *Prostranstvo i vremja v literature i iskusstve* [Space and Time in Literature and Art]. Daugavpils: Daugavpils Pedagogical Institute named after Ya. E. Kalnberzin Publ., 1990, pp. 74–76. (In Russian)
- Pil'd, L.L., 1985. Iz tvorcheskikh svyazey Al. Bloka i A. Belogo v period «Rasputiy» [From creative connections Al. Blok and A. Bely during the period of “Crossroads”]. In: Z.G. Mints, ed. *Blokovskiy sbornik VI. A. Blok i ego okruzenie* [Blok Collection VI. Blok and his environment.]. Tartu: Tartu State Univ. Publ, pp.43-50. (in Russian).
- Pustygina, N.G., 1993. «Tragediya tvorchestva» (A. Blok i roman A. Belogo «Serebryanny golub'») [“Tragedy of creativity” (A. Blok and Bely's novel “Silver Dove”)]. In: A. Maltz, ed. *Blokovskiy sbornik XII* [Blok Collection XII]. Tartu: ITs-Garant Publ, pp.79-90. (in Russian).
- Skvorcova, N.V., 1985. Aleksandr Blok v stat'e Andreja Belogo «Himery» [Alexander Blok in Andrei Bely's Article “Chimeras”]. In: Z.G. Minc, ed. *Blokovskiy sbornik <V>. Mir A. Bloka. [Blok Collection <V>. The World of A. Blok]*. Tartu: Tartu State University Publ., pp.88-95. (in Russian).
- Toporov, V.N., 1993. «Kust» i «Serebryanny golub'» Andreyja Belogo: k svyazi tekstov i o predpolagaemoy «vneliteraturnoy» osnove ikh [“The Bush” and “Silver Dove” by Andrey Bely: to the connection of texts and their alleged “non-literary” basis]. In: A. Maltz, ed. *Blokovskiy sbornik XII* [Blok Collection XII]. Tartu: ITs-Garant Publ, pp.91-109. (in Russian).
- Toporov, V.N., 1999. O «blokovskom sloe» v romane Andreyja Belogo «Serebryanny golub'» [About the “Blok layer” in Andrey Bely's novel “Silver Dove”]. In: M.L. Gasparov, ed. *Moskva i «Moskva» Andreyja Belogo* [Moscow and “Moscow” by Andrey Bely]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ, pp.212-316. (in Russian).

УРОВНЕВЫЕ ЕДИНИЦЫ НЕГАЦИИ

АНУШ АКОПЯН*

Ереванский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается категория негации как многоуровневое структурно-семантическое явление, функционирующее в пределах иерархически организованной языковой системы. Исследование направлено на выявление формально-содержательных проявлений отрицания на пяти уровнях естественного языка: тагматическом, синтагматическом, протасематическом, симпротасематическом и текстематическом. Единицами этих уровней являются, соответственно, слова-тагмы, синтагмы (словосочетания), простые сентенции (предложения), сложные сентенции и тексты. При исследовании применен таксономический подход, опирающийся на аппараты кластеризации, сопоставительного и логического анализов. В рамках предложенной модели осуществляется дифференциация ядерных и приядерных единиц каждого уровня по степени их функционально-семантической соотнесенности с логической операцией отрицания. Анализ внутриуровневых и межуровневых взаимосвязей выделенных единиц показывает, что по мере повышения уровня языковой системы возрастает как структурная сложность, так и вариативность их пересечений. В основной части представлена детализированная структурно-семантическая кластеризация языковых единиц с учетом их уровневой принадлежности и функциональной соотнесенности с категорией негации. Разработанные теоретические положения таксономического характера получают эмпирическое подтверждение репрезентативным иллюстративным материалом, который подвергается детальному структурному и семантическому анализу. Результаты исследования демонстрируют, что негация выступает не только грамматико-семантической категорией, но и системообразующим механизмом, обеспечивающим смысловую целостность и связность языковых единиц. Предлагаемую уровневую кластеризацию можно рассматривать как шаг к формированию более универсальной модели описания языковых явлений на единых научно-исследовательских принципах.

Ключевые слова: *негация, уровень отрицания, языковая единица, тагма, синтагма, сентенция, текстема.*

* Ануш Акопян – доктор филологических наук, профессор, доцент кафедры русского языка ЕГУ
Անուշ Հակոբյան – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր, ԵՊՀ ռուսաց լեզվի ամբիոնի դոցենտ
Anoush Hakobyan – Doctor of Sciences in Philology, Professor, Associate Professor of the Chare of Russian Language, YSU
Эл. почта: anush.hakobyan@ysu.am, <https://orcid.org/0009-0008-1609-5485>

Введение

Категория негации, являющаяся средством выражения отрицания или противопоставления утверждению, выполняет ключевую функцию в организации высказывания. Она относится к числу универсальных семантических категорий, представленных во всех естественных языках мира и не поддается определению через более простые семантические элементы [Языкознание. БЭС, 1998, с. 354]. Логическая унарная функция отрицания вместе с функциями конъюнкции и дизъюнкции образуют полную систему: через них с помощью операции подстановки могут быть выражены все возможные логические связи [Андерсон, 2003, с. 45; Jonsonbaugh, 2005, p. 493]. Универсальность негации сочетается с высокой степенью вариативности и многообразием формальных и семантических реализаций, чем обуславливается устойчивый исследовательский интерес к этой категории. Следует отметить, что отрицание в логике трактуется как формальная операция, направленная на инверсию истинностного значения высказывания, однако его языковая репрезентация, включающая модальные, оценочные, темпоральные, прагматические и когнитивные компоненты, значительно шире и сложнее и выходит далеко за пределы бинарной логической оппозиции *истинно – ложно*. Тем самым отрицание в естественном языке приобретает грамматический статус и становится функционально значимым в организации текста.

В плане соотношения формы и содержания исследование категории отрицания представляет собой одну из значимых проблем лингвистики, получившую разностороннее освещение во многих научных трудах [Апресян, 2014; Падучева, 2011, 2014; Баранов, Юшманова, 2000; Труб, 1994; Кривоносов, 1986; Панфилов, 1982 и др.] Отрицание в языке представляет собой сложный функционально-семантический механизм, характеризующийся многоуровневой реализацией, семантической вариативностью и контекстуальной обусловленностью. Подобная организация предопределяется пересечением формальных и содержательных параметров уровней единиц. В академической грамматике подчеркивается, что отрицанию в системе языка противостоит неотрицание, условно обозначаемое как утверждение. Эти категории рассматриваются как взаимосвязанные и взаимодополняющие явления, поскольку «по смыслу всякое отрицание есть утверждение противоположного». Тем самым утверждение и отрицание выступают как взаимно обусловленные способы языковой репрезентации признаков и характеристик действительности [РГ 1980, II: 402].

Комплексное исследование естественного языка предполагает рассмотрение формальных и содержательных параметров в двусторонней перспективе: от анализа внутренней организации языковых единиц к их семантическому наполнению и, напротив, от смысловой структуры к ее формальным средствам выражения. Существенную роль в подобном исследовании играет таксономический подход, обеспечивающий кластеризацию языковых единиц, что особенно значимо при сопоставительном анализе, синтезе таксонов и последующем обобщении выявленных лингвистических признаков. Такая кластеризация была проведена нами, в частности, при исследовании языковых конъюнктивных высказываний, содержащих негацию [Акопян, 2015].

Углубленное и системное изучение определенного языка и создание его модели может послужить базой для построения универсальной лингвистической

модели, что является значительно более сложной задачей. Подобная перспектива связана со стремлением к созданию единой теоретической системы, позволяющей описывать языковые явления на основе общих принципов и формировать целостную картину лингвистического знания. Разработка такой модели предполагает выявление унифицированных закономерностей организации языка при одновременном учете его структурной и семантической специфики [Джаукян, 1999]. В ходе целостного и многоаспектного описания языка представляется рациональным выделение и объединение его единиц в отдельные кластеры на основе общих структурно-семантических признаков, что послужит основой построения многоуровневой иерархической модели. Проведенное нами таксономическое исследование, опирающееся на инструментарий логико-математического анализа, позволило в порядке восходящей иерархии выделить и систематизировать следующие языковые уровни: тагматический, синтагматический, протасематический, симпротасематический и текстематический. В пределах каждого из указанных уровней были идентифицированы и проанализированы ядерные и приядерные уровневые единицы с учетом их функциональной реализации в рамках логических операций [Акопян, 2025].

Негация и ее разнообразные реализации в пределах уровневых единиц языка, а также во взаимодействии между ними, играют существенную роль при сопоставительном анализе функциональных стилей. С точки зрения логики отрицание является унарной операцией, где истинному высказыванию (суждению) противопоставляется неистинное высказывание или ложному – неложное [Кондаков 1975, с. 421].

Тагматический уровень, единицами которого являются тагмы (слова), представляет собой основу всех иерархически расположенных языковых уровней, на которых осуществляется выявление единиц, обладающих общими структурно-семантическими признаками, а также анализ их системных взаимосвязей. Расширяясь за счет лексического окружения и объединяясь на основе семантической общности, слова-тагмы формируют предметно-логическую базу для конструирования единиц более высоких уровней языковой организации. Синтагмы (словосочетания), выступающие единицами синтагматического уровня, занимают промежуточное положение между словами-тагмами и простыми предложениями, которые в свою очередь являются единицами протасематического уровня. Единицами симпротасематического уровня выступают сложные предложения, а текстематического – текстемы. В то время, как тагмы, синтагмы, простые и сложные предложения в определенной степени характеризуются относительно устоявшимися критериями определения, проблема выделения и уточнения границ текстем отличается большей теоретической сложностью и трудоемкостью.

Слова, словосочетания, простые и сложные предложения, а также текстемы, прямо или косвенно репрезентирующие значение логической операции отрицания, являются материалом настоящего исследования. Одной из ключевых задач исследования внутриуровневых структурно-семантических связей является дифференциация ядерных и приядерных единиц каждого уровня относительно отрицания. Критерием разграничения служит степень их функционально-семантической соотнесенности с явной или имплицитной негацией. Ядерная единица характеризуется самостоятельностью и структурообразующей ролью, тогда как

приядерная единица не обладает автономным статусом и функционирует в зависимости от ядерной. На каждом языковом уровне осуществляется детальное описание семантики отрицания и анализ выявленных единиц с учетом их системных пересечений. Необходимо отметить, что по мере повышения иерархического уровня отрицания возрастает формальный объем и семантическая сложность ядерных и приядерных единиц. На высшем, текстематическом уровне большинство структурно развернутых текстем способны одновременно включать ядерные и приядерные компоненты, реализующие функцию отрицания в различных формах.

Ниже представлена детализированная структурно-семантическая кластеризация языковых единиц с учетом их уровневой принадлежности и функциональной соотнесенности с категорией негации.

Основная часть

Тагматический уровень отрицания. Единицами тагматического уровня являются все слова-тагмы естественного языка, которые по способу номинации выделяются как самостоятельные неместоименные, местоименные, служебные слова и междометия [Русский язык. Энциклопедия, 1998, сс. 496-499]. Знаменательные и служебные части речи, в определенной мере явно или неявно содержащие значение отрицания, будут считаться ядерными или приядерными единицами. Ядерными единицами могут быть:

- ❖ слова *отрицать/отрицание, негация/негативный*;
- ❖ отрицательные частицы *не* и *ни*;
- ❖ отрицательные местоимения *никто, ничто, некого, нечего, нисколько, никакой, ничей*;
- ❖ отрицательные наречия *нигде, никогда, никак, никуда, нисколько*;
- ❖ отрицательные предикативы *нет, нельзя, незачем*;
- ❖ отрицательный предлог *без*;
- ❖ слова с отрицательными приставками *не-* (образование антонимов: *красивый – некрасивый, честный – нечестный*; частичное отрицание: *неплохой, небогатый*), *ни-* (усилительное отрицание: *ничуть, ничтожный*), *без-/бес-* (отсутствие признака: *безалкогольный, бессердечный*), *а-* (отсутствие признака: *аполитичный, аморальный*), *анти-* (противопоставление, направленность против: *антинаучный, антипригарный*), *де-* (прекращение, устранение, обратное действие по отношению к исходному понятию: *демобилизация, демонтаж*), *дис-* (нарушение нормы: *дисбаланс, дисфункция*);
- ❖ глаголы с отрицательной семантикой (*запрещать, препятствовать, избегать, терять, ненавидеть* и т.п.);
- ❖ глаголы имплицитного отрицания (фактивы с отрицанием), указывающие на имитацию или невыполненность действия (*забыть, притвориться* и т.п.)

Приядерными единицами этого уровня могут быть слова:

отрекаться/отречение, отклонять/отклонение, отсутствовать/отсутствие, обманывать/обман, отказывать/отказ, опровергать/опровержение, изменять/измена, несогласие, неприятие и т.п.

Отметим, что некоторые синонимы приведенных тагм также могут считаться соответствующими ядерными или приядерными единицами.

Синтагматический уровень отрицания. Единицами *синтагматического* уровня являются синтагмы (сочетания слов), и те, которые в определенной мере явно или неявно содержат значение отрицания, будут считаться ядерными или приядерными единицами. Ядерными единицами могут быть синтагмы, включающие в себя ядерные единицы тагматического уровня:

- ❖ *отрицание бытия, негативное отношение* и т.п.;
- ❖ *ни за что, ни в коем случае* и т.п.;
- ❖ *никто не пришел, ничто не идеально, некого ждать, нечего делать, нисколько не жалко, ничей мяч* и т.п.;
- ❖ *нигде не найти, никогда не плакать, никак не добиться, никуда не спешить, нисколько не волноваться* и т.п.;
- ❖ *без ума, без денег, без будущего* и т.п.;
- ❖ *некрасивый поступок, нечестный путь, неплохой результат, небогатый дом, ничуть не сожалеть, ничтожный процент, безалкогольный напиток, бессердечный человек, аполитичные взгляды, аморальное поведение, антинаучный подход, антипригарное покрытие, осенняя демобилизация, демонтаж здания, создавать дисбаланс, мозговая дисфункция* и т.п.;
- ❖ *запрещать курить, препятствовать встрече, избегать одиночества, терять время, ненавидеть предательство* и т.п.;
- ❖ *забыть прошлое, притвориться больным, сделать вид* и т.п.

Приядерными единицами этого уровня могут быть сочетания слов, включающие в себя приядерные единицы тагматического уровня:

официальное опровержение, полное отречение, отменить закон, отказать в помощи, эмоциональное неприятие, отсутствие аппетита, изменить структуру, оптический обман, частичное несогласие и т.п.

На этом уровне негация проявляется также в структуре фразеологизмов и выражается определенной отрицательной единицей предыдущего тагматического уровня или же логически. В таких фразеологизмах отрицание является семантическим инструментом создания образности, и, усиливая эмоциональность, категоричность, становится частью целостного значения и устойчивого образа. Негация во фразеологической системе языка характеризуется многообразием форм и способов выражения через различные структурные и семантические механизмы, отличаясь формальной вариативностью и глубиной имплицитных смыслов [Жуков и др., 1987; Бирих и др., 2023]. Заслуживают внимания, в частности, некоторые следующие модели реализации отрицания.

- ❖ Прямое грамматическое отрицание:
не в своей тарелке; не по себе; как рыба без воды и т.п.
- ❖ Семантическое отсутствие определенности выражается посредством усиленного двойного отрицания:

ни то ни се; ни рыба ни мясо; ни богу свечка ни черту кочерга; ни в городе Богдан ни в селе Селифан; ни пава ни ворона; ни мычит ни телится и т.п.

- ❖ Исключение всех возможных вариантов, абсолютность отрицания:
ни за что; ни за грош; ни за копейку; ни за понюшку; ни за понюх табаку; ни под каким соусом; ни в коем случае и т.п.
- ❖ Имплицитное отрицание, построенное на замещении одного способа другим:
не мытьем, так катаньем; так или иначе; не силой, так хитростью; не сам, так с помощью и т.п.
- ❖ Семантическое расширение скрытого отрицания:
забывать дорогу; забывать хлеб-соль; забыть себя и т.п.

Аналогично предыдущему уровню некоторые синонимичные сочетания слов с отрицательным структурно-семантическим проявлением также могут являться как ядерными, так и приядерными единицами данного синтагматического уровня отрицания.

Протасематический уровень отрицания. Единицами *протасематического* уровня являются простые сентенции, и те, которые в определенной мере явно или неявно содержат значение отрицания, будут считаться ядерными или приядерными. Ядерными единицами могут быть простые предложения, включающие в себя ядерные единицы тагматического или синтагматического уровней отрицания.

Разнообразные формы и проявления отрицания в художественном тексте выступают значимым стилистическим и семантическим инструментом. Негация участвует в формировании смысловой структуры произведения, организует оценочную перспективу высказывания и способствует выражению авторской позиции. Система эксплицитных и имплицитных отрицаний выполняет функцию логического опровержения, становится средством текстовой динамики и эмоциональной напряженности. Много сцен неопределенности, переживаний утраты, психологического состояния героев и исторической атмосферы можно наблюдать, в частности, в романе М. Булгакова «Белая гвардия», где интенсивно используются всевозможные проявления негации. В дальнейшем в качестве иллюстративного материала будет использован этот роман, в тексте которого отрицательные конструкции представлены с особой частотностью и функциональной насыщенностью. Так, ядерными единицами относительно отрицания являются, к примеру, следующие простые сентенции.

В эту ночь, по-видимому, никто не придет.

Ничего подобного! Знать не знаю и ведаю не ведаю.

Не знали, но ненавидели всюю душой.

Не обращайтесь на меня никакого внимания.

Николка на это не мог ничего сказать...

И меня чуть-чуть не убили вместе с ним.

В Красном Трактире без перемен.

И шептали это без всякой горечи.

Но Курицкого нельзя звать ни в коем случае.

А кокарду-то забыл!..

Но плохадь нельзя было пересечь, ну просто немыслимо!

Среди ядерных часто встречается функционирование конструкции двойного отрицания (*Не идти нельзя. Нельзя не быть.*), выполняющей модально-интенсифицирующую роль, что приводит к семантическому утверждению необходимости и усилению модального аспекта высказывания.

Приядерными единицами протасематического уровня могут быть простые предложения, включающие в себя приядерные единицы предыдущих уровней отрицания.

И все изменилось сразу.

Где неприятель?

Этот Нерон предаст...

Турбин даже в лице изменился от этой остроты, злобно скомкал газету и швырнул ее на тротуар.

Среди приядерных единиц данного уровня представляется целесообразным выделить следующее экспрессивно маркированное простое предложение, осложненное однородными деепричастными оборотами, однородными сказуемыми и сравнительным оборотом. Данная предложение демонстрирует пример семантической концентрации негативного состояния посредством эпитетов эмоционально-оценочной отрицательной функции с нарастанием трагической тональности.

Изводя душу, убивая сердце, напоминая про нищету, обман, безнадежность, безысходную дичь степей, скрипели, как колеса, стонали, были в гуще проклятые лиры.

Следует отметить, что в приведенном предложении присутствуют как ядерные, так и приядерные единицы тагматического уровня отрицания.

Симпротасематический уровень отрицания. Единицами *симпротасематического* уровня являются сложные предложения, и те, в которых в определенной мере явно или неявно могут участвовать различные грамматические средства, выражающие отрицание, будут считаться ядерными или приядерными. Ядерными единицами могут быть сложные предложения, включающие в себя ядерные единицы предыдущих трех уровней отрицания. Приведенные далее сложные предложения отражают структурно-семантический и прагматический механизм многоуровневой реализации эксплицитной или имплицитной негации.

Вы не думайте, чтобы я отрицал революцию, о нет, я прекрасно понимаю исторические причины, вызвавшие все это.

Так вот, у Тальберга, Сергея Ивановича, была неподходящая, неудачливая звезда.

Но ни сейчас, ни все время – полтора года, – что прожила с этим человеком, и не было в душе самого главного, без чего не может существовать ни в коем случае даже такой блестящий брак между красивой, рыжей, золотой Еленой и генерального штаба карьеристом, брак с капорами, с духами, со шпорами и облегченный без детей.

Кто в кого стрелял – никому не известно.

*Наклонившись над балюстрадой, он **не отрывал** глаз от белоголовой фигурки, **пока она не исчезла** внизу.*

*Человека облекли в форму германского майора, и он стал **не хуже и не лучше** сотен других майоров.*

*Господин полковник проснулся с замечательной быстротой и сразу и остро стал соображать, словно **вовсе никогда и не спал**.*

*Из-за него он воюет, и, в сущности говоря, **ни из-за чего другого воевать ни в коем случае не следует**.*

В этих предложениях представлены различные типы отрицания: предикативное, направленное на действие или состояние (*не думайте, не исчезла, не известно*), лексически выраженная негация (*отрицал*), риторическая негация (*о нет*), коррелятивно-усилительное, создающее эффект категоричности и логической исключительности (*ни в коем случае, ни из-за чего другого*), деривационное (*неподходящая, неудачливая*), сравнительно-нейтрализующее, которое создает эффект нивелирования индивидуальности (*не хуже и не лучше*), что свидетельствует о высокой функциональной нагрузке негации.

Приядерными единицами симпротасематического уровня являются сложные предложения, включающие в себя приядерные единицы предыдущих трех уровней отрицания. В следующих предложениях функционирование негации носит модальный, оценочный, словообразовательный характер и проявляется более разнообразно, зачастую опосредованно.

***Неприятель**, очевидно, должен был быть здесь, потому что это был последний, конечный пункт, указанный телефонным голосом.*

*Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы Лариосик оказался **предателем**.*

*И лицо его уже начало пропускать какие-то странные восковые оттенки, и нос его **изменился**, утончился, и какая-то черта **безнадежности** вырисовывалась именно у горбинки носа, особенно ясно проступившей.*

*Юнкер **отказывается** хлопотать, если ты поедешь.*

*Не позже чем через несколько часов мы будем свидетелями **катастрофы**, когда **обманутые и втянутые в авантюру** люди вроде вас **будут перебиты, как собаки**.*

Здесь посредством негации организуется не только логическая структура высказывания, но и его эмоционально-оценочная перспектива, которая формирует пространство предельных состояний.

Возможны также случаи одновременного наличия как ядерных, так и приядерных единиц предыдущего протасематического уровня отрицания в составляющих частях сложных предложений.

*Но **никакого неприятеля** пока что **не показывалось**, и Никола **немного запутался**, что делать дальше?*

Текстематический уровень отрицания. Единицами *текстематического* уровня являются текстемы определенного текста. Частотность репрезентации единиц негации предыдущих уровней в пределах текстемы может варьироваться от высокой, средней до низкой или нулевой. В зависимости от этого текстему мы можем квалифицировать как *высокочастотную*, *среднечастотную* или *низкочастотную* относительно отрицания. Ядерными или приядерными единицами выступают высокочастотные или среднечастотные текстемы с соответствующими единицами предыдущих четырех уровней отрицания. Следует подчеркнуть, что из-за структурно-семантической специфики категории негации границы между ядерными и приядерными текстемами оказываются размытыми, и их дифференциация является недостаточно строго очерченной и допускает интерпретационную вариативность. Проанализируем следующие три многоабзацные высокочастотные текстемы относительно отрицания.

Прошлое Симона было погружено в глубочайший мрак. Говорили, что он будто бы бухгалтер.

– **Нет**, счетовод.

– **Нет**, студент. [...]

Но тут же находились и такие, которые говорили:

– **Ничего подобного.** Он был уполномоченным союза городов.

– **Не** союза городов, **а** земского союза, – отвечали, – типичный земгусар. [...]

– **Да нет**, студентом... он был...

– **Ничего подобного.** Иван Иванович его знает. Он был в Тараще народным учителем... [...]

– Ну, так вот я вам скажу: **не было. Не было! Не было** этого Симона **вовсе** на свете. **Ни турка, ни союза... ни черта.** Просто миф, порожденный на Украине в тумане страшного восемнадцатого года.

В этой диалогической текстеме отрицательное поле задается уже первой фразой (*Прошлое Симона было погружено в глубочайший мрак*), в которой семантически компенсируется отсутствие формального отрицания. Далее наблюдается и полемическая негация (*Нет, счетовод. Нет, студент. Ничего подобного. Да нет*), и корректирующая (*Не союза городов, а земского союза.*), и усилительная конструкция (*Ни турка, ни союза... ни черта.*), и полное отрицание всего (*...не было. Не было! Не было этого Симона вовсе на свете*).

Металась и металась потревоженная дрема. [...] ...и кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное. ... и увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали и моря уже нет". [...]

Болезни и страдания казались ему неважными, несущественными. Недуг отпадал, как короста с забытой в лесу отсохшей ветви. Он видел синюю, бездонную мглу веков, коридор тысячелетий. И страха не испытывал, а мудрую покорность и благоговение. Мир становился в душе,

и в мире он дошел до слов: "...слезу с очей, и смерти не будет, уже ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло".

В этой текстеме прямое грамматическое отрицание (*не был записан, не испытывал*), усилительное гиперболическое многократное отрицание (*ни плача, ни вопля, ни болезни*), имплицитное отрицание (*с забытой в лесу отсохшей ветви, бездонную мглу*) и абсолютное (*уже нет, уже не будет*) сочетаются с философским и психологическим отрицанием, которое разрушает старый и утверждает новый мир.

Мысли текли под шелковой шапочкой [...]

"Петурра... Сегодня ночью, не позже, свершится, не будет больше Петурры... А был ли он?.. Или это мне все снилось? Неизвестно, проверить нельзя. Лариосик очень симпатичный. Он не мешает в семье, нет, скорее нужен. [...] А что хорошего? Разве что голос? Голос превосходный, но ведь голос, в конце концов, можно и так слушать, не вступая в брак, не правда ли... Впрочем, неважно. [...] Тем не менее я пойду, пойду днем... И отнесу... Брынь. Тримай! Я убийца. Нет, я застрелил в бою. Или подстрелил... [...] А Максим... Александр Первый?"

Текли мысли, но их прервал звоночек. В квартире никого не было, кроме Анюты, все ушли в Город, торопясь кончить всякие дела засветло.

Наряду с выделенными выше проявлениями негации в приведенных двух текстах здесь автор использует следующие приемы отрицания: эпистемическое, размывающее границы между реальностью и сном (*А был ли он? Или это мне все снилось? Неизвестно, проверить нельзя.*); смягчающее – отрицание негативной оценки (*Он не мешает в семье*); корректирующее (*нет, скорее нужен; Я убийца. Нет, я застрелил в бою.*); ограничительное, регулирующее границы допустимого (*не вступая в брак*) и отрицание значимости (*неважно*).

Представляется необходимым подчеркнуть, что анализ приведенного иллюстративного материала позволяет рассматривать уровневые единицы негации не только как грамматическую категорию отрицания, но и в качестве многоуровневого механизма смысловой организации художественного текста. В романе М. Булгакова «Белая гвардия» различные типы отрицания определяют ритм повествования, выступают не просто элементом речевой организации, а важнейшим механизмом в формировании текстовой динамики, аксиологической организации, сложного, внутренне противоречивого эмоционального пространства произведения и, подчеркивая трагичность или кризисность тональности текста, моделируют его философскую глубину. Вежицкая пишет: «Русская речь отдает предпочтение гиперболам для выражения любых оценок, как положительных, так и отрицательных, и, в частности, моральных. Такая любовь к категорическим моральным суждениям, конечно же, является отголоском моральной и эмоциональной ориентации русской души» [Вежицкая, 1996, с. 84].

Заключение

Иерархическое представление уровней негации открывает новые возможности для алгоритмического описания порождения уровней единиц, их углубленного формально-содержательного анализа и исследования механизмов функционирования отрицания. Негация как категория отрицания коммуникативных установок представляет собой систему семантических и структурных отношений между лексическими единицами рассматриваемых нами языковых уровней от тагм до текstem. Проведенный анализ демонстрирует, что каждый уровень обладает своей особенной спецификой процесса выявления отрицания и является основой построения иерархической организации языковой системы, что допускает расширение рамок исследования внутриуровневых и межуровневых взаимосвязей выражения негации.

Проведенный таксономический анализ позволяет рассматривать отрицание как системообразующий элемент художественного дискурса, посредством которого моделируются психологическое напряжение, оценочная перспектива и аксиологическая организация текста. Особое значение при этом приобретает соотносительность ядерных и приядерных уровней единиц негации с категориями модальности, оценочности и экспрессивности.

ANOUSH HAKOBYAN – *Leveled Units of Negation.* The article examines negation as a multi-level structural and semantic phenomenon functioning within a hierarchically organized language system. The study aims to identify the formal and semantic manifestations of negation across five levels of natural language: the tagmatic, syntagmatic, protasematic, symprotasematic, and textematic levels. The units corresponding to these levels are, respectively, tagmic words, syntagms (word combinations), simple sentences, complex sentences and textemes. The research is based on a taxonomic approach employing clustering techniques as well as comparative and logical analyses. Within the proposed model, nuclear and perinuclear units are differentiated at each level according to the degree of their functional-semantic correlation with the logical operation of negation. The analysis of intra-level and inter-level interactions among the identified units demonstrates that, as the level of the language system increases, both structural complexity and the variability of their intersections intensify. The main body of the paper presents a detailed structural-semantic clustering of language units with regard to their level affiliation and functional relation to the category of negation. The developed theoretical taxonomic principles are empirically substantiated through representative illustrative material subjected to thorough structural and semantic analysis. The findings indicate that negation functions not only as a grammatical-semantic category but also as a system-forming mechanism ensuring semantic integrity and cohesion of linguistic units. The proposed hierarchical clustering may be considered a step toward the development of a more universal model for describing linguistic phenomena on unified scientific principles.

Keywords: negation, level of negation, linguistic unit, tagma, syntagm, sentence, texteme.

Источники

Бирх, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И., 2009. *Словарь фразеологических синонимов русского языка.* Москва: АСТ-Пресс Книга.

- Жуков, В.П., Сидоренко, М.И., Шкляров, В.Т., 1987. *Словарь фразеологических синонимов*. Москва: Русский язык.
- Кондаков, Н.И., 1975. *Логический словарь-справочник*. Москва: Наука.
- Русская грамматика*. 1980. Москва: Наука, Т. 1–2.
- Русский язык. Энциклопедия*, 1998. Москва: Большая Российская энциклопедия.
- Фразеологический словарь русского языка*, 2001. Москва: Астрель, АСТ.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. 1998. Москва: Большая Российская энциклопедия.

Список научной литературы

- Акопян, А.В., 2015. Кластеризация конъюнктивных высказываний относительно отрицания. *Вестник Ереванского университета. Русская филология*, 3 (18), сс.62–70. <https://doi.org/10.46991/BYSU:H/2015.1.3>
- Акопян, А.В., 2025. *Таксономия языковых конструкций (и, или, если)*. Ереван: Изд-во ЕГУ. <https://doi.org/10.46991/YSUPH/9785808427044>
- Андерсон, Дж.А., 2003. *Дискретная математика и комбинаторика*. Москва, Санкт-Петербург, Киев: Вильямс.
- Апресян, В.Ю., 2014. Контроль и отрицание: взаимодействие значений. *Вопросы языкознания*, 2, сс.3–26.
- Баранов, А.Н., Юшманова, С.И., 2000. Отрицание в идиомах: семантико-синтаксические ограничения. *Вопросы языкознания*, 1, сс.46–65.
- Вежбицкая, А., 1996. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари.
- Джаукян, Г.Б., 1999. *Универсальная теория языка. Прологомены к субстанциональной лингвистике*. Москва: Изд-во Института языкознания РАН.
- Кривоносов, А.Т., 1986. Отрицание в предложении и отрицание в умозаключении (опыт семантического анализа отрицаний в тексте). *Вопросы языкознания*, 1, сс.35–49.
- Падучева, Е.В., 2011. Имплицитное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией. *Вопросы языкознания*, 1, сс.3–23.
- Падучева, Е.В., 2014. Нестандартные отрицания в русском языке: внешнее, смещенное, глобальное, радикальное. *Вопросы языкознания*, 5, сс.3–18.
- Панфилов, В.З., 1982. Отрицание и его роль в конституировании структуры простого предложения и суждения. *Вопросы языкознания*, 2, сс.36–49.
- Труб, В.М., 1994. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности. *Вопросы языкознания*, 1, сс.44–61.
- Jonsonbaugh, R., 2005. *Discrete mathematics*. USA, NJ: Pearson Prentice Hall.

References

- Hakobyan, A.V., 2015. Klasterizatsiia kon'unktivnykh vyskazyvanij odnositelno otritsaniia [Clustering of Conjunctive Statements Concerning Negation]. *Vestnik Erevanskogo universiteta. Russkaia filologiya*. [Bulletin of Yerevan University. Russian Philology], 3(18), pp.62-70. <https://doi.org/10.46991/BYSU:H/2015.1.3> (in Russian).
- Hakobyan, A.V., 2025. *Taksonomiia iazykovykh konstruksij (i, ili, esli)* [Taxonomy of Language Constructions (and, or, if)]. Yerevan: Yerevan State Univ. Publ. <https://doi.org/10.46991/YSUPH/9785808427044> (in Russian).
- Anderson, Dzh.A., 2003. *Diskretnaia matematika i kombinatorika* [Discrete Mathematics with Combinatorics]. Moscow, St. Petersburg, Kiev: Williams Publ. (in Russian).
- Apresian, V.Iu., 2014. Kontrol i otritsanie: vzaimodejstvie znachenij [Control and Negation: The Interaction of Meanings]. *Voprosy iazykoznanii* [Topics in The Study of Language], 2, pp. 3–26. (in Russian).

- Baranov, A.N., Iushmanova, S.I., 2000. Otritsanie v idiomakh: semantiko-sintaksicheskie ogranicheniia [Negation in Idioms: Semantic and Syntactic Limitations]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the Study of Language], 1, pp. 46–65. (in Russian).
- Vezhbitskaia, A., 1996. *Iazyk. Kultura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari Publ. (in Russian).
- Dzhaukian, G.B., 1999. *Universalnaia teoriia iazyka. Prolegomeny k substantsionalnoj lingvistike* [The Universal Theory of Language. Prolegomena to Substantive Linguistics] Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
- Krivososov, A.T. 1986. Otritsanie v predlozhenii i otritsanie v umozakliuchenii (opyt semanticheskogo analiza otritsanij v tekste) [Negation in the Sentence and Negation in the Conclusion (Experience of Semantic Analysis of Negations in the Text)]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the Study of Language], 1, pp.35–49. (in Russian).
- Paducheva, E.V., 2011. Implitsitnoe otritsanie i mestoimeniia s otritsatelnoj poliarizatsiej [Implicit Negation and Pronouns with Negative Polarization]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the Study of Language], 1, pp. 3–23. (in Russian).
- Paducheva, E.V., 2014. Nestandartnye otritsaniia v russkom iazyke: vneshnee, smeshchennoe, globalnoe, radikalnoe [Non-Standard Negations in the Russian: External, Displaced, Global, Radical] *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the study of language], 5, pp.3–18. (in Russian).
- Panfilov, V.Z., 1982. Otritsanie i ego rol v konstituiirovanii struktury prostogo predlozheniia i suzhdeniia [Negation and Its Role in the Constitution of the Structure of a Simple Sentence and Judgment]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the Study of Language], 2, pp. 36–49. (in Russian).
- Trub, V.M., 1994. O kommunikativnykh aspektakh otritsaniia kak negativnoj otsenki istinnosti [On the Communicative Aspects of Denial as a Negative Assessment of Truth]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the study of language], 1, pp. 44–61. (in Russian).
- Jonsonbaugh, R., 2005. *Discrete mathematics*. USA, NJ: Pearson Prentice Hall. (in English).

ЗООНИМЫ В РУССКИХ И АРМЯНСКИХ КОМПЛИМЕНТАХ

МАРИАМ АРШАКЯН *

Ереванский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается специфика функционирования лексико-семантической группы «зоонимы» в структуре комплимента в русском и армянском языках, выявляются как универсальные черты, обусловленные общностью человеческого восприятия, так и специфические национально-культурные черты. Особое внимание уделяется коннотативным значениям слов и их морфемной структуре, в частности анализируется роль суффиксов в формировании дополнительных смысловых оттенков. Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого изучения механизмов метафоризации природных объектов как инструментов выражения положительной оценки в разных лингвокультурах. Исследование направлено на разграничение универсальных и национально-маркированных когнитивных структур, позволяющих проецировать свойства живой природы на личность человека. Особое место занимает анализ фауны в качестве аксиологических ориентиров, определяющих представления о красоте, силе и чертах характера. Материалом исследования послужили данные фразеологических словарей и национальных корпусов. С помощью сравнительно-типологического и семантического анализа описано ключевое ассоциативное поле «животный мир» в комплиментах. Анализ показывает, что в комплиментарных выражениях носителями русской культуры зоонимы употребляются чаще, чем носителями армянской. В русском языке большая часть зоонимов в составе комплиментарного высказывания используется в уменьшительно-ласкательной форме. Интенсивное использование уменьшительно-ласкательных суффиксов приводит к многообразию форм одного и того же зоонима. В то же время в армянских комплиментах преобладают притяжательные формы зоонимов.

Ключевые слова: зоонимы, комплимент, русский язык, армянский язык, метафорический перенос, уменьшительно-ласкательные суффиксы, сопоставительный анализ.

Введение

В современной лингвистической науке наблюдается возрастающий интерес к антропоцентрической парадигме, в рамках которой язык рассматривается как ключевой инструмент трансляции культурных кодов и национального самосоз-

* **Мариам Аршакян** – Ассистент кафедры русского языка ЕГУ
Մարիամ Արշակյան – ԵՊՀ ռուսաց լեզվի ամբիոնի ասիստենտ
Mariam Arshakyan – Assistant at the Chair of Russian Language, YSU
Эл. почта: mariam.arshakyan@ysu.am, <https://orcid.org/0009-0002-6868-5248>

нения, а сопоставительный анализ лексико-семантических систем представляет собой приоритетный вектор современных исследований. Данное направление является востребованным, так как способствует созданию и развитию комплексных сравнительных описаний языков.

В нашей статье предметом сопоставительного анализа являются русские и армянские комплименты с компонентом-зоонимом.

В системе современного речевого взаимодействия комплимент выступает не просто элементом этикета, но и важнейшим инструментом гармонизации межличностных отношений. Являясь специфическим речевым актом, он реализует прежде всего фатическую и регулятивную функции, направленные на создание благоприятной коммуникативной атмосферы и на трансляцию положительной оценки [см. Арутюнова 1988, Вольф 2006, Семенова 2010, Мурашкина 2004].

Зоонимы, выступая одним из древнейших пластов лексики, играют фундаментальную роль в формировании метафорической картины мира. Будучи ярким примером взаимодействия языка и культуры, комплименты с компонентом-зоонимом отражают как универсальные ассоциации, так и уникальные ментальные установки народов.

Целью данной работы является выявление и систематизация национально-специфических и универсальных характеристик зооморфных комплиментов в русской и армянской лингвокультурах.

Несмотря на наличие ряда работ, посвященных зооморфным метафорам, сопоставительный анализ комплиментов-зоонимов в русском и армянском языках до сих пор не получил исчерпывающего освещения в научной литературе. Недостаточная изученность данного вопроса в сравнительно-типологическом аспекте препятствует глубокому пониманию механизмов национально-культурной маркированности речевого этикета.

1. Зоонимы в русских и армянских комплиментах

С древних времен в сознании людей закрепилось представление о тесном родстве с животным миром. Эта глубокая связь нашла отражение в языке: зоонимы обладают уникальным культурным кодом. Нелучайно, что во всех языках зоонимы обладают высоким коннотативным потенциалом, «в их денотативную семантику органично «вплетена» культурная семантика» [Михайлова, Чжао, 2016, с.169]. Являясь универсальным средством метафоризации, зоонимы характеризуются яркой национальной спецификой, в которой сочетаются биологические признаки животного и социально-духовный опыт народа. Различия между культурами проявляются в тех ассоциациях и стереотипах, которые возникают при вербализации названия того или иного существа. И.Н. Горелов и К.Ф. Седов отмечают, что «разное отношение разных народов к животным наглядно проявляется в метафорическом переносе названия животного на человека» [Горелов, Седов, 2005, с.132]. Такой перенос определяет его как носителя определенного качества. При этом для раскрытия культурного содержания зооморфизмов необходимо описание языковых символов, стереотипов, эталонов, включающих зоонимы [Гукетлова, 2009, сс.13-14]. Как справедливо замечает Д.Б. Гудков, «универсальным является само существование кодов, но отнюдь не сами коды, каждый из которых при сохранении некоторых универсальных черт отли-

чается национальным своеобразием» [Гудков, 2003, с.196]. Так, в славянской и армянской лингвокультурах сравнение женщины с коровой несет негативную, оскорбительную окраску. В то же время в Индии, где корова почитается как священное животное, подобное сопоставление может восприниматься как положительная оценка и даже комплимент [см. Брутян, 2015, с.15].

Безусловно, определенные различия наблюдаются и между русскими и армянскими комплиментами. Так, например, в русском языке уменьшительно-ласкательные суффиксы в образовании ласкательных форм зоонимов в составе комплиментов встречаются чаще, чем в армянском языке. Здесь проявляется та особенность русского языка, о которой пишет А. Вежицкая: «В русском языке деминутивы являются важнейшим средством выражения “душевности” <...> Они не просто указывают на малый размер, а передают теплоту, близость и положительную оценку говорящего» [Вежицкая, 1996, сс.54-55].

1.1. Зоонимы, распространенные в обеих лингвокультурах

Лев (առյուծ ‘aryuts’). Как известно, во многих культурных традициях лев считается царем зверей (առյուծ արքա). Он является одним из самых древних и часто встречающихся в разных культурах символов храбрости, быстроты, стойкости, силы и величия. Этот образ символизирует высшую божественную силу, власть и мощь. Используется в значении «модный щеголь»; человек, отличающийся внешними успехами в большом свете, уверенно чувствующий себя в высшем обществе («светский лев»). Ср. «Джентльмены, львы и денди попались на Невском проспекте на каждом шагу...» [Михельсон, 1896-1912]. В русской и армянской лингвокультурах образ льва используется как символ доблести, величия, благородства, власти и защиты, является «мужским» комплиментом: «Да, но вы были тогда такой лев Петербурга.» (И. Тургенев); «Я. Бердышев, бывший когда-то первым львом, первостатейным денди, неутомимейшим ловеласом Петербурга.» (А. Дружинин); «Ты как лев молодой, Иуда, – над добычей вздымаешься, сын мой.» (Быт. 49:9); «Созданы, например, гласные суды — ты, как лев, стремись на защиту их» (М. Салтыков-Щедрин); «Человек он был всегда исправный, относительно же исполнения служебного долга просто лев...» (М. Салтыков-Щедрин); «Ты мой лев!» (В. Лебедева); «Նրանք նման էին վիրավոր առյուծների, որոնք պատրաստվում էին վերջին անգամ հարձակվել թշնամու վրա՝ գերադասելով պատվավոր մահը ստրկական կյանքից.» (Բաֆֆի); «Կինը սիրում է առյուծի և սիրել չէ կարող ոչխարի» (Վ. Փափազյան); «Ուրեմն, ողորմելի՛ դու մինչև այժմ կատու ես եղել, որովհետև գործ ես ունեցել միշտ մկների հետ, բայց ինչպե՞ս ես կամենում պատերազմել դու ինձ – առյուծիս հետ, դու – որ առյուծ չես...» (Նար-Նու); «Բա, էդ-պիսի մարդ է մեր առյուծ հերը.» (Հ. Մելքոնյան); «Բա որ հանկարծ մրսեիր ու հիվանդանայի՞ր, առյուծս, – մեղմ հպվելով ինձ՝ գորովալից շնչազ հարսնացու.» (Վ. Եղիազարյան). Лев является символом армянской царской династии Багратидов (Բագրատունիներ) (IX-XI вв.). Отметим, что лев сегодня выступает одним из двух главных символов на гербе Армении, вместе с орлом поддерживая щит. В армянской архитектуре и искусстве часто встречаются изображения

львов, которые служат стражами храмов и крепостей (каменные львы-барельефы в монастыре Гегард, в церкви св. Всеспасителя и др.). В армянском языке встречаются выражения «առյուծի սիրտ», «առյուծի սիրտ ունի» [Սուրբիսայան, Գալստյան, 1975, էջ 63], «սրտում առյուծ դարանել», «կովել առյուծի պես», «առյուծի ձագ/ճուս»: «Երեխեր չեն, առյուծի ճուտեր են»; «Տղան հայտնի ֆիզայի Սուրադի թոռն է, առյուծի ձագն առյուծ կլինի, բա՛, – ստում է Նշան պան, շոյելով գլուխս:» (Ն. Մկրտչյան); «...բայց նրանք առյուծի նման էին կովում» [Բեդիրյան, 2011, էջ 136]; «Նա պաշտպանում էր յուր թագավորին, հայոց գահի վեհ պալատին, և այդ միտքն արդեն բավական էր, որ նրա սրտում առյուծ դարաներ» (Սուրադյան). Здесь стоит упомянуть также героико-патриотический эпос армянского народа «Давид Сасунский» («Սասնի ծեղեր»), повествующий о борьбе сасунских богатырей против арабских захватчиков. Эпос отражает дух, культуру, быт и христианские ценности армян. Характерно, что одного из богатырей называют львом – Առյուծ Մեեր, приписывая ему качества, характерные этому животному – бесстрашие, целеустремленность, готовность идти на риск ради защиты своих интересов или близких. Примечательно, что в обеих культурах распространено и имя Лев (в армянской – Լևոն ('Levon'), заимствованное из греческого языка («Λέων»), где оно также означает «лев». В Западной Европе распространены формы того же имени Леон и Лео.

Орел (արծիվ 'artsiv'). Это самый распространенный символ из всей фауны, связанный с божественным началом, храбростью, верой, идеей победы, величием и властью. Подобно льву среди зверей, орел воспринимается как царственная птица [Энциклопедический словарь, 1995, с.288]. Для всех славянских народов это царь-птица, олицетворение гордого могущества и вольности [Грушко, Медведев, 1995, с.221]. Зооним «орел» используется в значении гордый, смелый, сильный человек [Ожегов, Шведова, 2003, с.459]. Образ орла связывают также с человеком выдающимся – ср. «орлом глядит» (молодцом) [Михельсон, 1896—1912]. Орел в русском и армянском языках несет положительную коннотацию, ассоциируясь с героизмом, силой и величием, свободолюбием, это комплимент-обращение и комплимент-сравнение, относящиеся к лицам мужского пола. «Батюшка-то наш! Орел! – проговорила громко няня из одной двери.» (Л. Толстой); «Они ехали, как два молодых орла, озиравшихся вокруг себя, и в очах их светилась желанная битвы и славы.» (Н. Гоголь); «Գարծես նա ճախրելու համար թներ տարածած արծիվ էր.» (Ս. Խանգաղյան); «Վասպուրականի արծի վ... – Թումանյանը իսանդաշտանքով բռնում է Երեմիայի ձեռքը...» (Չ. Դարյան); «Արծիվներ են, իսկական արծիվներ, – հիանում է իր տղաներով Ներսիսյանը:» (Արշալույս). В армянском языке также встречаются словосочетания «արծվի հայացք» (ср. русское «орлиный взор») – սուր հայացք, հեռուն նայող տեսնող հայացք. «Արծվի հայացքով կրոջի հեռու, մտքի անիվը կպպտի արագ» [Սուրբիսայան, Գալստյան, 1975, էջ 88], и «արծվի ճուս» – խիզախ, իգիթ մարդ, ջահել. «Արևը կծես սալան տղի... Մի մտտիկ արի, ա՛յ արծվի ճուս» [Բեդիրյան, 2011, էջ 185], когда подчеркивается характер молодого человека как храброго, отважного, безбоязненного, указывается на реше-

тельность мужчины. Известное в армянской лингвокультуре выражение «արծիվ տղերք» встречается в военных песнях («Արծիվ, սլացիր», «Հայոց արծիվ»), в песнях и фильмах, посвященных национальным героям, например, Андранику Озаяну: «Իբրև արծիվ սավառնում ես լեռ ու ժայռ» («Իբրև արծիվ. Քաջ Անդրանիկ»). Неслучайно, что изображение орла часто встречается в качестве духовного или военного символа, например, на храмах, монастырях (Нораванк, Агарцин и др. в Армении) и на гербах (Армении, России, Германии, Австрии, США и др.).

Голубь (голубчик/голубка/голубушка/голубица) (աղավնի/աղավնյակ ‘aghavni’, ‘aghavnyak’). Этот образ стал знаком чистоты, простоты, искренности, надежды. Характерны слова Иисуса Христа: «*Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби*» (Мф. 10:16). Голубь – христианская эмблема Духа Святого. В притче о потопе голубь был предвестником близкой земли и конца потопа. В русском и армянском языках часто встречается в уменьшительно-ласкательной форме, что придает речи эмоциональную окраску, нежность: «*Что ты, голубчик, задумчив сидишь...*» (А. Фет); «*Нет, душенька, голубчик, милая, персик, я не отстану, я знаю, что вы знаете.*» (Л. Толстой); «*А теперь поезжай, мой дорогой... Поезжай домой, голубчик...*» (А. Куприн). Образ голубя в армянском языке используется в комплиментах-обращениях к женщине, в частности, в притяжательной форме: «**աղավնյակս**», «**իմ աղավնյակ**»: «*Դեմքով մի աղավնի է նա, հոգով առյուծ:*» (Ն. Չարյան); «*Նաղյա, թանկագինս, աղավնյակս, սիրելիս, Մարտինի հետ չգնաս:*» (Ս. Վարդանյան); «*Իսկ, աղավնյակս, արդյոք ժամը չէ՞...*» (Ռ. Համբարյան). В русском языке, наряду с формой «**голубка**» – ласковое обращение к женщине (разговорное) [Ожегов, Шведова, 2003, с.137], встречается и устаревшая форма «**голубица**», которая использовалась в обращении к девушке, вызывавшей своей невинностью чувства нежности, любви: «*Отец лелеет свою дочь-голубицу.*» [там же]. Отметим, что достаточно частотным комплиментом в армянской традиции является распространенный во многих культурах фразеологизм «**խաղաղության աղավնի**» (հաշտարար, տան մեջ, կոլեկտիվում հաշտ հարարերություններ հաստատող մարդ). «*Այդ մեծ ընտանիքում, ուր ընկել էր, սկեսրայրն էր խաղաղության աղավնին*» [Բեդիրյան, 2011, էջ 33].

Соловей (соловушка/соловейчик/соловейко) (տխակ ‘sokhak’). Название этой певчей птицы становится многозначным символом для русского и армянского народов, олицетворяющим высокое искусство и глубокую душевную привязанность. Часто используется как метафора для великих вокалистов, например, оперную певицу Гоар Гаспарян называли «армянским соловьем» («**Հայաստանի տխակ**») за ее уникальное сопрано. Образ соловья встречается в армянских народных песнях. Вспомним известную колыбельную «Արի, իմ տխակ» на стихи Рафаэла Патканяна: «*Արի՛, իմ տխակ, թո՛ղ ցարտեզ մերին, / Տաղերով քուն բեր տղիս աչերին*». Образ характерен также для русской культуры. Можно указать на знаменитый образ **курского соловья**: «*Ах, радость моя! Ах, курский соловушка, до слёз сердце моё умилила!*» (Е. Федоров). Соловей в русском фольклоре является достаточно распространенным образом, выступая

как предвестник весны, символ молодости и беззаботности. В комплиментах русская и армянская традиции в основном сравнивают людей с соловьем за их певучий голос [Ожегов, Шведова, 2003, с.746]. «*Да ты и впрямь соловушка, милая моя*»; «*Спой, Соловушка!*»; «*Прогремишь на весь мир! Ведь ты наш соловушка. Лучшего голоса не было и не будет в институте.*» (Л. Чарская); «*Մթանչելի սոխակներ կային, նրանց երգով տարված՝ մնացի մինչև երեկո:*» (Ավ. Իսահակյան); «*Հայաստանի սոխակները քեզ համար, /Թող դայլայլեն գիշեր-ցերեկ անդադար*» (Ս. Կապուտիկյան); «*Փառք քեզ, Տարոնի սոխակ, – լավում էր դահլիճից:*» (Խ. Բաղիկյան)։

Лебедь (лебедушка) (կարապ 'karap'). Лебедь символизирует верную и чистую любовь, грацию, совершенство, чистоту и невинность. Пара лебедей стала расхожим символом верности и неразлучности. Символика лебедя практически одинакова у большинства народов мира. В русской культурной традиции ярким воплощением этого символа служит фольклорный образ Царевны-лебедь. В русском языке встречается форма «**лебедушка**» как ласковое обращение к девушке или женщине [Ожегов, Шведова, 2003, с.320]. В русской и армянской культурах женщин часто сравнивают с лебедем, выделяются, в частности, выражения «**лебединая грудь**» (белая) [Грушко, Медведев, 1995, сс.176-177], «**կարապի կուրծք**» (սպիտակ և գեղեցիկ կուրծք) [Սուքիասյան, Գալստյան, 1975, էջ 316]. Примеры: «*Грудь лебедина, походка павлина, очи соколы, брови соболы.*» (Песня); «*Караковая коренная стоит себе, закинув шею, словно лебедь, грудь вперед, ноги как стрелы, знай головой помахивает да гордо ищурится...*» (И. Тургенев); «*Святители, как она была одета! платье на ней было белое, как лебедь: фу, какое пышное! а как глянула: солнце, ей-богу, солнце!*» (Н. Гоголь); «*Ты ли, душа моя, Здравствуй, лебедушка, Красная девица.*» (Я. Рубенчик); «*Я этой встречи ждал... Лебедушка моя! Вы стали знаменитой...*» (Т. Окуневская); «*...բարձր կարապի վզով, նուրբ կաթնաթուրք դեմքով և երկնանման աչքերով, կարծես սպիտակ կարապ լինի*» (Հ. Մկրտչյան). В армянской лингвокультуре достаточно частотным является также использование фразеологизма «**կարապի վիզ/պարանոց**» – երկար, գեղեցիկ վիզ, պարանոց, ասվում է կանանց մասին – «*Ներս մտավ ջահել, կարապի վզով, չինար բոյով, նուրբ ու հաճելի դեմքով մի աղջիկ*» [Սուքիասյան, Գալստյան, 1975, էջ 316]. «*Նրա բուսբերքը պիրկ էին, կեցվածքը սլացիկ, վիզը կարապի պես երկար:*» (Ս. Խանդադյան); «*Վիզը խորոտիկ, քանց վիզ կարապի, /Լեզուն՝ քաղցրանուշ շարժը Հալաբի:*» (Ա. Յավրյան). Интересно, что сравнение женской шеи с лебединой шеей в армянской культуре является хорошим комплиментом, а сравнение с шеей жирафа – оскорблением. Ср. «**ընձուղտի վիզ**». «*Ընձուղտի երկար ու բարակ վզով մի ուսանող, որ մինչ այդ Ղորանիի հետևից կրնկակոխ վազվզում էր դետուղեն, գրուխը պատուհանից հանելով սուլեց:*» (Գ. Սևունց); «*Մենք, որ մարդ ենք ծնվել մորից, /Ո՛չ, չենք ուզում դառնալ նորից/Ինչ-որ ընձուղտ երկարավիզ ու բժավոր:*» (Պ. Սևակ); «*Մի անգամ միայն նա վիզը երկարեց ընձուղտի նման և նայեց տախտակների վրա շարված*

չըրիցըղ ամաններին այնպիսի հայացքով, որ կարծես հաշվում էր.» (Գ. Մահարի).

Ласточка (ծիծեռնակ ‘tsitsernak’). В обеих культурах является зоонимом с положительными коннотациями, символизируя весну и обновление. Используется как ласковое обращение к девочке, женщине: «Ласточка ты моя!» [Ожегов, Шведова, 2003, с.320]. В русской культуре ласточка – это прежде всего вестница весны, символ домашнего уюта и материнской нежности [Энциклопедический словарь, 1995, с.242]: «Любимая моя девочка, ласточка моя.» (М. Кучерская); «Ласточка моя, Маша, где искать мне тебя?» (Е. Макарова); «Лидочка летела по улице, как ласточка в потоках теплого воздуха: все выше, выше, выше...» (Д. Филиппов). В отличие от русской культуры, где в качестве комплимента используется само слово «ласточка», в армянской как комплимент чаще выступает словосочетание «գարնան/գարնանային ծիծեռնակ»: «Մտանի մրախ էր, ինչպես մի գարնանային ծիծեռնակ, նա անդադար ճախրում էր իմ շուրջը, աշխատելով կատարել մինչև անգամ իմ ամենափոքր հաճույքները.» (Դաֆֆի). В обоих языках встречается фразеологизм «первая ласточка» [Федоров, 2008], «առաջին ծիծեռնակ» [Բեդիրյան, 2011, էջ 628], что означает самый первый, за которым следуют другие; первый признак проявления чего-н. хорошего: «Пушкинский театр был первой ласточкой в области организации частных театральных предприятий» (Ю. Юрьев); «Первая ласточка коллекции одежды, которая появится в 2018 году, – фирменные нашивки.»¹; «...հայրենիք ժամանեցին պիլոտըի առաջին ծիծեռնակ փափուկները, որոնք եկան փափուկով Երեւանի տարբեր պետական հաստատություններու մէջ.» (Ազգ, 2007.07.12). В то же время в армянской традиции этот образ имеет глубокий национально-драматический подтекст. В армянском сознании ласточка – символ тоски по родине и связи с домом для скитальца. Вспомним одну известную песню армянского народа «Ծիծեռնակ»: Ծիծեռնակ՛կ, ծիծեռնակ՛կ, / Դու՛ գարնանի փրկ ին՛ թռչնակ, / Դեպի՛ն էր, ին՛ձ ասի, / Թռչում էս այդպես արագ:

Здесь же отметим, что главный мемориал жертвам Геноцида армян в Ереване называется Ծիծեռնակաբերդ (в пер. – “Крепость ласточки”).

1.2. Зоонимы, преобладающие в русской лингвокультуре

Заяц (зайка/зайнышка/зайчонок/зайчик/зайчишка) (նապաստակ ‘napastak’). Один из самых частотных зоонимов в русских комплиментах, выражает симпатию, используется по отношению к обоим полам (в современной молодежной лексике – зая, зай): «Тимоша, зайка моя, принеси нам с Галкой мартини.» (М. Полетика); «Зая, встань к столу, – тихо попросила Мариша.» (А. Иванов); «И говорит продавщице: Лариса, лапонька, зайнышка, красавица» (А. Титов); «Слышь, Зая, может, тебе больше не ходить на фитнес?» (Д. Донцова); «Зайчонок, привет. Пишу тебе вдогонку, чтобы сказать, как я расстроен.» (А. Сопровский). В отличие от русского языка, в армянском зооним «заяц» не используется в комплиментарных высказываниях. Напротив, заяц в армянском

¹ Интервью: <http://www.sobaka.ru/fashion/heroes/61374>

языке всегда ассоциируется с трусливостью: «նապաստակի սիրտ ունենալ» – երկչուտ, խեղճ լինել [Սուրբիսայան, Չալսոյան, 1975, էջ 452]; «մեկի առաջ նապաստակ դառնալ» – խեղճանալ. «Դու երևի հույս ունեիր, որ ընկերդ վաղուց ձատրակ չի խաղացել և նապաստակ կդառնա քո առաջ» [Բեդիրյան, 2011, էջ 982]. Данное значение, конечно, встречается и в русском языке: «воплощение слабости и робости» [Грушко, Лебедев, 1995, 107], «**труслив как заяц**», «**заячья душа**» [Ожегов, Шведова, 2003, с.226], но в комплиментах-обращениях имеем дело только с положительной коннотацией, как ласковое обращение к представителям обоих полов.

Кот/кошка (котенок/котик/котеночек/киска/кисочка) (կտանի 'katu'). Зверь, очень любимый народом. С ним связано множество примет и пословиц: «Кто кошек любит – будет жену любить», «Без кошки не изба», «На мышку и кошка зверь», «Кошки дерутся – мышкам приволье». Одновременно кошка, согласно данным словарей, у многих народов была спутницей колдунов. Народное суеверие приписывает ее видящим в темноте глазам необычайную силу, почерпнутую из мира таинственного. Кошка приносит несчастье, потому что дьявольски изворотлива (вспомним про суеверие «черного кота, перебежавшего дорогу») [Грушко, Лебедев, 1995, сс.166-167]. Несмотря на полярность в значениях, кот является зоонимом, часто фигурирующим в русских комплиментах. Но стоит отметить, что этот зооним в комплиментах встречается в уменьшительно-ласкательных формах («**котенок**», «**котик**», «**котеночек**», «**киска**», «**кисочка**») и является ласковым обращением, указывающим на мягкость, беззащитность: «Потом поиграем, котик, – сказала она. Сначала работа» (В. Пелевин); «До скорого, котик! – это она подставляет щеку Дмитрию Павловичу.» (О. Зайончковский); «Котик, меня беспокоит твоя личная жизнь.» (А. Уткин); «Но потом, мой милый котёночек, я вспомнил всё, что у нас было – романтические свидания при свечах, путешествия, приколы» (Л. Сычева); «Я, твоя баба, приехала! Киска моя!» (Л. Петрушевская); «Моя дикая кошка!» (В. Лебедева). Интересно, что в армянских комплиментах принято использовать форму «փիփիկ» ('**pisik**') вместо «կտանի». Это делает выражение мягче: «Ա՛յ որ փիփիկ, անուշիկ, – ասաց մորսըսըսը, նրա գրկից հանքուրեղով:» (Արևածիններ). Еще одна особенность этого зоонима заключается в том, что в обоих языках его использование наблюдается в комплиментах-просьбах, в частности между парами: «Котик, я не могу сам, ...» (В. Лебедева); «Փիփիկս, աստուծ եմ քեզ սյուր երեկոյան 5-ին», «Փիփիկս, աստուծ եմ քեզ հնչ մտածում եմ» (фильм «Սուլէր մամ»).

Рыба (рыбка/рыбонька) (ծով/ձկնիկ 'dzuk'/'dzknik'). Рыба традиционно символизирует молчание. Является также ранним христианским символом: первые буквы греческого слова «рыба» (ΙΧΘΥΣ) составляют первые буквы слов на греческом «Ιησους Χριστος, Θεου Υιος, Σωτηρ», что переводится как «Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель» [Бидерманн, 1996, с.229]. В комплиментарных высказываниях в русской лингвокультуре встречаются формы слов «**рыбка**» – как ласковое обращение к мужчине или женщине, и «**рыбонька**» – ласковое обращение к женщине или ребенку [Ожегов, Шведова, 2003, с.689], указывающее на хрупкость, безмолвие, иногда миловидность, также на исполнение желаний («**золотая рыбка**»): «Пойду, кстати, посмотрю, как спит мое сладкое

чудо, пупсик, котик, рыбонька, лапусечка, масик.» (К. Туркова); «Ах ты ж, зайчик мой, котёночек мой ласковый, рыбка моя сладкоголосая, птичка моя вуалехвостая!» (Т. Соломатина); «Додик, рыбка моя, – говорила она, – мне все равно идет та же зарплата!» (Н. Щербак); «Привет, золотая рыбка! Ты сейчас удивляешься, почему я так тебя называю?», «Ты – золотая рыбка, просто пока еще не знаешь об этом» (А. Лавриненко); «Մեկն ամուսն է՝ դու եղնիկ ես, Մեկն ամուսն է՝ քուսնիկ ես, Մեկն ամուսն է՝ քուսնիկ ես, Մեկն ամուսն է՝ քուսնիկ ես, Մեկն ամուսն է՝ քուսնիկ ես, Մեկն ամուսն է՝ քուսնիկ ես...» (Հ. Շիրազ). В русском языке данный зооним встречается и в значении «человек, не увлекающийся, бесстрастный» [Михельсон, 1896-1912], вялый, холодный человек [Ожегов, Шведова, 2003, с.689]: «За князем остается молодость и красота, и если Ксения не рыба по темпераменту, то, разумеется, должна предпочесть его...» (К. Станюкович). То же значение можно найти и в армянском языке. Встречаются фразеологизмы «**ձկան պես/նման (լուր)**» – ւսուսանալի, մեկի խորին չարձագանքող, «**ձկան պես (սառը)**» – անտարբեր, անկարեկից. «...Բայց Մային ձկան պես լուր իր բանին էր»; «**Ձկան պես ամուսն էին աշխարհն ու մարդիկ**» [Բեդիրյան, 2011, էջ 860].

Сокол (соколик/соколенок/соколена) (քազն 'baze'). Образ пользуется большой популярностью в русских народных песнях и сказках, величали этим именем красавцев-добрых молодцев – «**ловчий сокол**», «**сокол ясный**» [Ожегов, Шведова, 2003, с.744-745]. В русском языке встречается сочетание «**соколиные очи**» (ср. с армянским «**քազնի աչք**» [Բեդիրյան, 2011, էջ 211]) – зоркие очи: «От соколиного глаза никуда не укроешься!» – говорится в народе. Сказочные герои обращаются в соколов, чтобы мгновенно одолеть немислимые расстояния. Русская девушка нередко называет своего возлюбленного гордо и ласково: «Сокол мой ясный!..» [Грушко, Медведев, 1995, с.290]. В русском языке встречаются формы «**соколик**» (ласковое название юноши, мужчины (обычно в обращении), «**соколенок**» (юноша, отличающийся смелостью, удачью), «**соколена**» (девушка, женщина, отличающаяся красотой): «Ты славную долю выбрал себе, сокол.» (М. Горький); «Не осуждай, соколик.» (Л. Толстой); «Какова соколена! – начал он рассуждать вслух. Тихая ведь, кажется, такая; поди ты, узнай бабу.» (А. Писемский); «Али не рада, соколена? Давай чаю-то.» (А. Потехин).

Птица (птичка/пташка/птенчик) (թռչուն/թռչնակ 'trchun'/'trchnak'). Широко распространенный символ духа и души в древнем мире. Образы птиц часто представляют освобожденную от плоти человеческую душу [Бидерманн, 1996, сс.215-216]. Во фразеологии встречаются сочетания «**вольная пташка/птица**» (о свободном, ни от кого не зависящем человеке), «**птица высокого полета**» (о том, кто занимает важное положение) [Ожегов, Шведова, 2003, с.630], «**ранняя пташка**» (о человеке, рано встающем утром, рано принимающемся за работу) [Федоров, 2008] и «**птичка певчая**». Образ птицы символизирует легкость в движениях, полет, свободу души: «Ты ж моя рыбка золотая, птичка певчая!» (Д. Рубина); «Птицей певчею, пронзая в вышине,/Синеву, синеву./Я летала безмятежно, как во сне,/Наяву, наяву.» (известная песня «Птица певчая»); «Пора, дитя моё, вставай. Да ты, красавица, готова! О пташка ранняя моя!» (А. Пушкин). В армянском языке встречаются следующие фразеологизмы:

«երկնքի թռչուն» (ազատ, ինքիշխան մարդ), «անհոգ թռչուն» (հոգսերից, պարտավորություններից ազատ մարդ), также «հազվագյուտ թռչուն», «թևավոր թռչուն», «ոսկե թռչուն» [Բեդիրյան, 2011, էջ 511]. «Դու – նույն անհոգ թռչնակ զարնան, /Ես – նույն երգիչն հուսահատ:» (Գ. Սարյան); «Թռչնակ էր կապույտ ազատության մեջ, որից մնացել է միայն մոր նվեր խաչք» (Ս. Խանգաղյան). Примечательно, что в армянском языке в качестве комплимента-обращения чаще встречается притяжательная форма «թռչնակս»: «Աշխատանքիս բնույթն է այդպիսին, թռչնակս» (Կ. Եղիազարյան); «Ջրից դուրս եկավ տղան, բարձրացրեց աղջնակին ու թոցրեց վեր: – Այի դո՛ւ, ախ դո՛ւ, ծովի թռչնա՛կ կու...» (Ս. Խանգաղյան). В то же время среди молодежи как комплимент девушкам или женщинам больше встречаются слова «ծիտ»/«ծիտիկ» («tsit»/«tsitik»): «Ասեց՝ ընենց ծիտ ա դառել:»² [ԱՐԵՎԱԿ]; «Ծիտ, մենակ վախենո՞ւմ չես էս վերունի ձորում:» (Ս. Խանգաղյան); «Ծի տ ջան, մեր ախպերը տեղո՞ւմ ա, սսա՛ Ջոռբեն ա էկել, ուզում ա քեզ տենա:» (Ս.Ազիզյան). Следует, однако, уточнить, что данные выражения относятся к молодежному сленгу.

1.3. Зоонимы, преобладающие в армянской лингвокультуре

Газель (վիթ/ջեյրան՝ «vit»/«jeyran»): Как комплимент встречается в основном в армянской поэзии, подчеркивая стройность, грацию. «Գործածվում է որպես կանացի գեղեցկության և մասնավորապես մարմնի գեղակազմության խորհրդանիշ» [Աղայան, 1976, էջ 1390]: «Ջեյրանի պես դաշտերումը կիսադաս, /Միրուն պատկերդ աչքի առաջ կպահաս, /Ես քո սիրուցը խելագար եմ դառել, /Մի թե դու ինձ վրա գութ չես ունենա...» (Գուսան Շերամ); «Միրուն ջեյրան, դու իմ անուշ երազն ես, /Լեռան ծաղիկ, անհաս սիրո մուրազն ես, /Քո աչքերը վառ աստղերի նման են, /Բմ սրտի մեջ վառվող անմար կրակ են...» (ժող. երգ); «Չաղացս մանի մանի, /Քունս անուշ կրտանի, /Ա՛յ սար ու սեյրան ու յար, /Մարալ ու ջեյրան ու յար, /Բմ յարը սարում, քոլում, /Բմ քունը ո՞նց կրտանի:» (ժող. երգ); «Արագավազ, նազիկ ջեյրան, /Լեռների սեր, վայրի ջեյրան, /Քարից-քար ես թռչում թեթև, /Անորսայի, անհաս ջեյրան...» (Ավ. Բահակյան); «Նախընտրանիկ էր նա, ինչպես մի ջեյրան, /Ո՞վ չէր ուզենա, չէր սիրի նորան:» (Բաֆֆի); «Անահիտը աղջիկ հո չէր, ջեյրան էր, ջեյրան էր:» (Վ. Անանյան); «Վա իս, Հայկանուշ, մեռնեմ քո ջեյրան տղին» (Ա. Ասլանյան); «Ա՛յ քեզ ջեյրան, աղայե Հայկ, Աստված բոլոր կանանց գեղեցկությունն ու շնորհքը և բոլոր տղամարդկանց քաջությունն ու խելքը նրան է տվել, այդ հուրի մալաքին:» (Գ. Ռշտունի); «Դու կնամանես սարի ջեյրան, յաման, յաման, յար:» (Հ. Մկրտչյան). Такие значения неслучайны, поскольку газель отличается стройностью и быстротой бега. В русском языке данный зооним в комплиментах используется редко. Встречается словосочетание «газельи глаза» в значении большие и выразительные [Ожегов, Шведова, 2003, с.124]: «У-у, газельи глазки, розы-зубки, зубы-жемчужины! – истинно восточными комплиментами наградила она

² Արևելահայերենի ազգային կորպուս: <https://surl.li/psdsqd>

меня.» (Чарская Л.); «*Большие красивые газельи глаза матери – откуда эта сирийская кровь, занесенная из Дании?*» (Меньшиков М.).

Лань (եղջերու/եղնիկ ‘eghjeru’/‘eghnik’). Лань – классический идеал красоты в армянских песнях и поэзии. «Եղնիկ – էգ եղջերու, գեղեցիկ և գեղաւարմին աղջիկ, կին» [Աղայան, 1976, էջ 325]. «**Եղնիկի նման հայացք/աչքեր**» – большие, выразительные, ср. с русским «газельи глаза»: «*Աչքերդ՝ եղնիկի, հայացքդ՝ մաքուր, /Քո սիրուց այրվում եմ, դառել եմ մոխիր, /Լեռների ծաղիկ ես, սարերի նազան, /Չկա քեզ նմանը աշխարհում համայն...*» (Գուսան Աշոտ); «*Քո տեսքը եղնիկի է նման, /Քո քայլվածքը շուշանի է նման, /Սարի սիրուն յար, սարի մեխակ յար...*» (ժող., աշուղ.); «*Եվ նա, որ լեռան եղնիկ է վայրի, /Մանրաքայլ նազում, /Մափորըր առնում, դնում է ուսին/Ու այսպես ստում...*» (Վ. Դավթյան); «*Այդ մի մատաղ ու խարտյաջ եղնիկ էր, խորունկ, սև ու ջինջ աչքերով, որ ծածկվում էին երկայն, նուրբ թարթիչների տակ:*» (Ավ. Իսահակյան); «*Եվ վիշտը չէր անցնում նրա տան դռներով, /Այս աղջիկը երեկ եղնիկ էր թոփռուն, /Արևից դողացած ոսկեդեմ մազերով:*» (Գրական թերթ 1955.02.26#9); «*Հազվադեպ էր տեսնում նրան, հեռվից միայն, սպիտակի մեջ վերից վար, եղնիկ լինեք ասես...*» (Գ. Գուրգաղյան). В русском языке встречается сравнение женской шеи с шеей лани (ср. с армянским «**կարապի վիզ**»): «*Как выразительно обтекает ее фигурку чудесное шелковое платье цвета вишневой пенки, с тонким бордовым ремешком на талии, со свободным двойным хомутом круглого воротника, из которого вырастает гибкая шея лани.*» (Рубина Д.).

Рассмотрев группу зоонимов в составе русских и армянских комплиментов, считаем нужным также подчеркнуть, что зоонимы в указанных лингвокультурах встречаются и в виде антикомплимента/оскорбления (ср. «**կարապի վիզ**» и «**ընձուղտի վիզ**»). В русском и армянском языках использование зоонимов в качестве оскорблений основано на переносе отрицательных качеств, приписываемых животным, на человека. Так, например, хитрость олицетворяет лиса (աղվես ‘aghves’); тупость и невежество – баран (ոչխար ‘vochkhar’); прожорливость, нечистоплотность, эгоизм – свинья (խոզ ‘khoz’); упорство и упрямство – осел (էշ ‘esh’); предательство, подлость – крыса (սոնետ ‘arnet’); коварство, зло – змея(гадюка) (օձ ‘odz’) и т.д. Лингвисты отмечают, что зоосемантические метафоры являются одной из самых устойчивых групп в составе бранной лексики русского языка [см. Мокиенко 1994]. Рассмотрим некоторые примеры: «*Она была моложе меня, красивей, энергичней. Хитрая такая, лиса с высшим образованием. Хорошо знала английский.*» (Е. Литинская); «*Козел ты рогатый! Ты сколько машину водишь, баран! Два года!*» (А. Волос); «*Эж её прохватило! свинья ты эдакая!*» (Н. Гоголь); «*Это смешно. Ты осел. В институте ходят разговоры.*» (В. Аксенов); «*Вовка вдруг кинулся вбок, и в Олю полетело что-то серое. – Крыса!!! Оля завизжала так пронзительно, что я зажмурился.*» (Д. Лагутин); «*Огрызкову не понравился и командир, эта штабная крыса, который стремится командовать, подчинить их себе, но делает это без необходимости власти и твердости.*» (В. Быков); «*Змея! – прошипел Степан, глядя на жену. – Змея ты подколодная!*» (М. Шолохов); «*Այն՝ նրան ի նչ հարկաւոր են լուր*

տանջանքներն, անքուն գիշերներն և աղոթքները, աղվեսի լեզու, աղվեսի լեզու – ահա՛ նա ի նչ է ուզում...» (Նար-Դոս); «Ոչ ինչպես Գառն Աստծո, այլ որպես ոչխար, որը բացի իր խոտից՝ ուրիշ բան չի ճանաչում աշխարհում...» (Ա. Պետրոսյան); «Ախ, ինչե՛ր էք ասում, ընկեր Պետիկ, ես էլ տեսնում էի, որ խոզ չէ և հիմա էլ հասկանում եմ, որ երբ մարդ մարդ է, չի կարող խոզ լինել:» (Դ. Դեմիրճյան); «Է՛յ, Ալի՛, դո՛ւ, հոտած խոզ, քեզ կտոր-կտոր կանեմ իմ ձեռքով» (Վ. Փափազյան); «Շատ խոզ մարդ է: Ոչ գալիս է, ոչ գնում:» (Հ. Վարդումյան); «Եթե տեսնեք, որ չեմուչում է անում, ապա հիշեցեք, որ ես եմ խոսել մինիստրի տեղակալի հետ, երաշխավորել եմ նրա համար և ինձ համար վատ կլինի, եթե նա հիմարաբար իր էջը քշի ու համառի:» (Շ. Թաթևյան); «Էջ խո չե՛նք, որ բիրդան ներս ընկնենք:» (Վ. Փափազյան); «Էջի՛ գլուխ, ի՛նչ արեցիր – շաստափոր մարդը քացով տվեց նրա ծոծրակին:» (Գ. Սևունց); «Էջի տեղ դրեց իրեն՝ իբր ոչ ոքի չի նկատել ու ձայնը գլուխը գցած՝ երգում է, թե տեսեք-տեսեք, չգիտեմ, որ կողքիս մարդ կա, ինձ համար երգ եմ ասում:» (Վ. Սարոյան); «Աղմուկով բացվում է դուռը, խմած ու կիսահարբած նավաստիների խումբը ներխուժում է գինետուն: – Էյ, առնետ...» (Մ. Սարգսյան); «Ուսումնակա ն գինվոր, – քթի տակ ծիծաղեց գորավարը, – ակադեմիական առնետ:» (Է. Ավագյան); «Գնամ դուռը բացել: Օձն է գանգում:» (Ն. Ադայան); «Կեղծավորությունով, կողքին նստացնելով, ձեռք գլուխը քսելով, ասեց էն օձի կծածը:» (Պ. Պողոսյան); «Օձի ձագ է, օձի ձագ... Ես լավ գիտեմ... նրա մազ ուտողը գերան կծնի:» (Բ. Հովսեփյան); «Ծառա՛ եմ սրբությանդ, խնդրեմ դու այդպես սառնասրտությամբ չդատես այս բանը, ինձ համար իմ կատուն աշխարհքիս ամեն ընչից թանկ է, աղաչում եմ, դու էլ էս կետից դատիր էն օձի ձագին՝ էն մողեսին, էն մի մատը լպստած, երես առած լակոտին, որ դեռ ոտը ձվից դուրս չդրած՝ բոլոր միաբանության գլխին ընկույզ է կտորում:» (Պ. Պողոսյան); «Նա խիստ հայացքով նայեց Վարդուհին: – Օձի ձուտ, մեռա ը:» (Վ. Հարությունյան)։

Как видно, в русском и армянском языках зоонимы-оскорбления имеют много общих коннотаций. В то же время в армянском языке прослеживается закономерность – названия детенышей животных, обладающих отрицательной коннотацией, транслируют негативную оценку и на само потомство, выступая в роли инвективной лексики. Исключение составляют зоонимы «лев» и «орел», где сохраняется высокая положительная маркированность (ср. «արծվի ճուտ», «առյուծի ձագ» – комплимент; «կատվի ձագ/բալա», «հավի ճուտ», «օձի ձագ», «խոզի ձագ/ճուտ» – оскорбление). Примечательно, что иногда даже при нейтральном восприятии взрослой особи (например, кошки), наименование детеныша может приобретать отрицательное метафорическое значение (например, слабости или бесхарактерности) – «կատվի ձագ դառնալ մեկի առաջ». Так как оскорбление не является предметом анализа данной статьи, ограничимся приведенным материалом.

Выводы

Резюмируя изложенное, можно сказать, что в комплиментарных выражениях носителями русской культуры зоонимы употребляются чаще, чем носителями армянской.

Анализ также показывает, что основными формами использования зоолексем в комплиментах выступают обращения и сравнения. Если первые (например, «рыбка», «зайка», «котик», «ласточка», «лебедушка», «голубчик», «փիփիկ», «աղավնյակ», «թռչնակ») транслируют нежность и эмоциональную близость, то вторые подчеркивают конкретные внешние достоинства, сравнивая адресата комплимента с природными эталонами («газельи глаза», «соловьиный голос», «կարասի վրդ», «եղինիկի հայացք», «ասես սիլակ»). Данные лексемы позволяют вербализовать восхищение внешностью объекта, грацией, характером и поведением, апеллируя к эстетическим идеалам.

В русском языке большая часть зоонимов в составе комплиментарного высказывания используется в уменьшительно-ласкательной форме. Суффиксы **-к-, -ик, -ок/-ек, -очк-/-ечк-, -ушк-/-юшк-, -оньк-/-еньк-** в зоонимах в составе комплимента чаще несут эмоциональную нагрузку: **голубчик, голубка, голубица, голубушка; соловушка, соловейчик, соловейко, соловушка; зайка, зайчишка, зайчонок, зайчик, зайчишка; котенок, котик, котенок, киска, кисочка; рыбка, рыбонька; соколик, соколенок, соколена; птичка, пташка, птенчик; лебедушка**. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, деминутивы создают «зону интимности» и эмоционального комфорта, сокращают коммуникативную дистанцию [см. Арутюнова, 1999]. В армянских комплиментах, включающих зоонимы, уменьшительно-ласкательные суффиксы **-իկ, -ակ, -ուկ (փիփիկ, ձկնիկ, թռչնակ, աղավնյակ, գառնուկ)** в целом выполняют аналогичную функцию, но эти суффиксы встречаются гораздо реже.

Еще одна любопытная закономерность в русском языке заключается в том, что более интенсивное использование уменьшительно-ласкательных суффиксов приводит к многообразию форм одного и того же зоонима: **заяц – зайка – зайчишка – зайчонок – зайчик – зайчишка** (ср. с армянским «նապաստակ» – единственная форма).

Вместе с тем в армянских комплиментах преобладают притяжательные формы зоонимов: «փիփիկ», «աղավնյակ», «թռչնակ», «ձկնիկ», «եղինիկ».

Перспективным направлением дальнейших изысканий видится проведение сравнительно-типологического анализа русских и армянских зоонимов, функционирующих в качестве инвективных единиц.

MARIAM ARSHAKYAN – Zoonyms in Russian and Armenian Compliments – The article examines the specific functioning of the lexical-semantic group "zoonyms" in the structure of compliments in Russian and Armenian. It identifies both universal features determined by common human perception and specific national-cultural traits. Special attention is paid to the connotative meanings of words and their morphemic structure, in particular, the role of suffixes in forming additional semantic nuances. The relevance of this study stems from the need for an in-depth study of the mechanisms of metaphorization of natural objects as tools for expressing positive evaluations in different linguistic cultures. The study aims to distinguish between universal and nationally specific cognitive structures that allow the properties of living nature to be projected onto the human personality. A special place is given to the analysis of

fauna as axiological reference points defining ideas about beauty, strength, and character traits. The study draws on data from phraseological dictionaries and national corpora. Using comparative, typological and semantic analysis, the author describes the key associative field of "animal world" in compliments. The analysis shows that zoonyms are used more frequently in complimentary expressions by speakers of Russian culture than by speakers of Armenian culture. In Russian, most zoonyms in complimentary expressions are used in diminutive forms. The intensive use of diminutive suffixes leads to a variety of forms for the same zoonym. Meanwhile, in Armenian compliments, possessive forms of zoonyms predominate.

Keywords: *zoonym, compliment, Russian language, Armenian language, metaphorical transfer, diminutive suffixes, comparative analysis.*

ИСТОЧНИКИ

Национальный корпус русского языка URL: <https://ruscorpora.ru/> [дата обращения: 23.03.2026].

Արևելահայերենի ազգային կորպուս (ԱԸԵՎԱԿ)

URL: http://eanc.net/EANC/search/?interface_language=am [դիտումսն օրը՝ 28.03.2026].

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова, Н.Д., 1988. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт.* Москва: Наука.

Арутюнова, Н.Д., 1999. *Язык и мир человека.* 2-е изд Москва: Языки русской культуры.

Бидерманн, Г., 1996. *Энциклопедия символов.* Москва: Республика.

Брутян, Л.Г., 2015. *Зоонимы в контексте разных культур.* В кн.: Современная парадигма гуманитарных исследований: проблемы филологии и культурологии. Москва: Перо, сс. 10-18.

Вежбицкая, А., 1996. *Язык. Культура. Познание.* Москва: Русские словари.

Вольф, Е.М., 2006. *Функциональная семантика оценки.* Москва: Едиториал УРСС.

Грушко, Е.А, Медведев, Ю.М. 1995. *Словарь славянской мифологии.* Нижний Новгород: Русский купец; Братия славяне.

Гудков, Д.Б., 2003. *Теория и практика межкультурной коммуникации.* Москва: Гнозис.

Гукетлова, Ф.Н., 2009. *Зооморфный код культуры в языковой картине мира* (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков): дис. ... д-р филол. наук. Москва.

Михайлова, Ю.Н., Чжао, И., 2016. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки.* Т.18, 4 (157), сс. 168-181.

Михельсон, М.И., 1896-1912. *Большой толково-фразеологический словарь.* СПб., тип. Ак. Наук. URL: <https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/> [дата обращения 28.03.2026].

Мокиенко, В.М., 1994. *Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное.* Русистика. Берлин, № ½, сс. 50-73 URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm> [дата обращения 03.03.2026].

Мурашкина, Э.В., 2004. *Комплимент как регулятивный речевой акт* (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Тверь.

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю., 2003. *Толковый словарь русского языка.* Москва: ЭЛПИС

Семенова, Е.А. 2010. *Место и роль комплимента в русском языке:* Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Москва.

- Федоров, А.И., 2008. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва: Астрель; АСТ. URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> [дата обращения: 28.03.2026].
- Энциклопедический словарь. *Славянская мифология*. 1995. Ред. Петрухин В.Я., Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Москва: Эллис ЛАК.
- Մղայան, Է.Բ., 1976. *Արդի հայերենի բացատրական բառարան*. Երևան: Հայաստան:
- Աճառյան, Հ., 1979. *Հայերեն արմատական բառարան*, Հատոր Դ. Երևան: Երևանի համալսարանի հրատարակչություն:
- Բեդիրյան, Պ.Ս., 2011. *Հայերեն դարձվածքների ընդարձակ բացատրական բառարան*. Երևան: Երևանի պետական համալսարանի հրատարակչություն: URL: http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=64&dt=HY_HY&query [նիստման օրը՝ 28.03.2026]:
- Սուքիասյան, Ա.Ս. և Գալստյան, Ս.Ա., 1975. *Հայոց լեզվի դարձվածքանական բառարան*. Երևան: Երևանի համալսարանի հրատարակչություն: URL: http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=55&dt=HY_HY&query [նիստման օրը՝ 28.03.2026]:

REFERENCES

- Arutyunova, N.D., 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka publ. (In Russian)
- Arutyunova, N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury publ. (In Russian)
- Bidermann, G., 1996. *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of Symbols]. Moscow: Respublika Publ. (In Russian)
- Brutian, L.G., 2015. Zoonimy v kontekste raznykh kul'tur [Zoonyms in the Context of Different Cultures]. In: *Sovremennaya paradigma gumanitarnykh issledovaniy: problemy filologii i kul'turologii* [Modern Paradigm of Humanities Research: Issues in Philology and Cultural Studies]. Moscow: Pero publ., pp. 10-18. (In Russian)
- Wierzbicka, A., 1996. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari publ. (In Russian)
- Volf, E.M., 2006. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russian)
- Grushko, E.A, Medvedev, Yu.M. 1995. *Slovar' slavyanskoy mifologii* [Dictionary of Slavic mythology]. Nizhny Novgorod: Russkiy kupets; Brat'ya slavyane Publ. (In Russian)
- Gudkov, D.B., 2003. *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis publ. (In Russian)
- Guketlova, F.N., 2009. *Zoomorfnyy kod kul'tury v yazykovoy kartine mira (na materiale frantsuzskogo, kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov)* [The Zoomorphic Code of Culture in the Linguistic Picture of the world (based on the French, Kabardino-Circassian and Russian Languages)]: Dis. ... Doctor of Philology. Moscow. (In Russian)
- Mikhaylova, Yu.N., Chzhao, I., 2016. Kul'turnye konnotatsii zoonimov v russkoy i kitayskoy frazeologii [Cultural connotations of zoonyms in Russian and Chinese phraseology]. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. (Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts)*, Vol. 18, 4 (157), pp. 168-181. (In Russian)
- Mikhelson, M.I., 1896-1912. *Bol'shoy tolkovo-frazeologicheskiy slovar'* [Large explanatory and phraseological dictionary]. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ. URL: <https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/> [Accessed 28.03.2026] (In Russian)

- Mokienko, V.M., 1994. Russkaya brannaya leksika: tsenzurnoe i netsenzurnoe [Russian swear words: censored and obscene]. In: *Rusistika. Berlin*, № ½, pp. 50-73 URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm> [Accessed 03.03.2026] (In Russian)
- Murashkina, E.V., 2004. *Kompliment kak regulativnyy rechevoy akt (Na materiale angliyskogo yazyka)* [Compliment as a regulatory speech act (Based on the English language)]. Dis. Candidate of Sciences (Philology). Tver. (In Russian)
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu., 2003. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: ELPIS Publ. (In Russian)
- Semenova, E.A. 2010. *Mesto i rol' komplimenta v russkom yazyke* [The place and role of compliments in Russian]: Extended abstract of PhD (Philology) dissertation. Moscow. (In Russian)
- Fedorov, A.I., 2008. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow: Astrel', AST Publ. URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> [Accessed 28.03.2026]. (In Russian)
- Entsiklopedicheskiy slovar'. Slavyanskaya mifologiya* [Encyclopedic Dictionary of Slavic Mythology]. 1995. Ed.: Petrukhin V.Ya., Agapkina T.A., Vinogradova L.N., Tolstaya S.M. Moscow: Ellis LAK Publ. (In Russian)
- Aghayan, E.B., 1976. *Ardi hayereni bats' atrakan barraran* [Explanatory Dictionary of Modern Armenian]. Yerevan: Hayastan Publ. (In Armenian)
- Acharyan, H., 1979. *Hayeren armatakan barraran* [Armenian radical dictionary], Vol. D. Yerevan: Yerevan Univ. Publ. (In Armenian)
- Bediryan, P.S., 2011. *Hayeren dardzvatk'neri yndardzak bats' atrakan barraran* [Extensive explanatory dictionary of Armenian idioms]. Yerevan: Yerevan Univ. Publ. URL: http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=64&dt=HY_HY&query [Accessed 28.03.2026]. (In Armenian)
- Sukiasyan, S.A. and Galstyan, A.M., 1975. *Hayots' lezvi dardzvatshabanakan barraran* [Phraseological dictionary of the Armenian language]. Yerevan: Yerevan Univ. Publ. URL: http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=55&dt=HY_HY&query [Accessed 28.03.2026]. (In Armenian)

About the Publishing House of Yerevan State University

The Publishing House of Yerevan State University works closely with the academic community to publish high quality academic journals, monographs and textbooks, and provides services to promote teaching and research. Our main mission is to internationalize, make open, accessible and transparent the scientific work of the Armenian scientific community.

Our publications include digital, print and open access content spanning the humanities and social sciences, natural sciences and technology. In cooperation with authors, we distribute the best academic materials in the region and in the world.

Publish your journal and book with The Publishing House of Yerevan State University and you will join the scientific community of distinguished authors whose published work has helped shape and influence learning in the region and around the world.

- If you need information on how to apply to publish a book, you can read our guide [here](#).
- For information on how to write for a scientific journal, please visit our journal author page [here](#).

Open research

As a university press and not-for-profit publisher, we are committed to the advancement of open research, exploring and innovating new models that will ensure sustainability and quality, while maximising the benefits that openness can offer.

Author Services

In order to continue to publish the best local, regional and international researchers, it is important that we support researchers preparing their research for publication in our journals. In order to help prospective authors to prepare for submission and to reach their publication goals, we offer a range of high-quality manuscript preparation services - including language editing and video abstract creation.

Director of the Publishing House of Yerevan State University is Dr. Karen Grigoryan.
Email: publishing@ysu.am

[YEREVAN STATE
UNIVERSITY]
PUBLISHING HOUSE